

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Людмила Черная

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ЯЗЫЧЕСКОЙ РУСИ

Живая история. Повседневная жизнь
человечества (Молодая гвардия)

Людмила Черная
**Повседневная жизнь
языческой Руси**

«ВЕБКНИГА»

2021

Черная Л. А.

Повседневная жизнь языческой Руси / Л. А. Черная —
«ВЕБКНИГА», 2021 — (Живая история. Повседневная жизнь
человечества (Молодая гвардия))

ISBN 978-5-235-04609-2

Возможно ли восстановить в подробностях повседневную жизнь обитателей русских земель дохристианской эпохи? Реконструировать их образ мышления, узнать, как они воспринимали окружающую действительность, почему поступали так или иначе в различных жизненных ситуациях? Ведь источников, повествующих об этом, почти не сохранилось. Автор книги находит свой путь решения этой, казалось бы, невыполнимой задачи, отыскивая отголоски языческих воззрений в народном мировосприятии, в обычаях и обрядах, сохранявшихся у русских вплоть до XX столетия, а также привлекая и другие, в том числе и археологические, материалы.

ISBN 978-5-235-04609-2

© Черная Л. А., 2021

© ВЕБКНИГА, 2021

Содержание

Предисловие	6
Мир глазами язычников	11
Годовой круг и его границы	16
Четыре стихии	20
Языческий пантеон	25
Человек	34
«Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком»: мужское и женское начала	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Людмила Черная
Повседневная жизнь языческой Руси

© Черная Л. А., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2021

* * *

Предисловие

В «Изборнике Святослава» 1076 года содержится совет, который я взяла на вооружение, приступая к работе над книгой: «...смотри жития его: хождение, седания, едения и всего обычая его пытай»¹. Но реализовать этот совет было совсем не просто.

Первым делом необходимо оговориться, что в книге содержится всего лишь реконструкция повседневной жизни язычников, причем в самых общих чертах. Описать достоверно повседневную жизнь людей, живших до принятия Русью христианства в 988 году, – задача на первый взгляд невыполнимая, прежде всего из-за отсутствия письменных и полностью достоверных источников. Действительно, кто и когда зафиксировал в подробностях, что думали о мире и о себе древнерусские язычники, как они воспринимали окружающую действительность, почему поступали так или иначе в различных жизненных ситуациях, чем занимались каждый день своей непростой жизни? Существуют современные так называемые «неоязычники», но они мифологизируют историческую реальность, придумывают никогда не существовавшие верования и ритуалы, навязывая древнерусским людям свои, современные, а потому глубоко искаженные представления. Воссоздавая некое псевдоязычество, «неоязычники» наносят тем самым непоправимый вред исторической правде.

Казалось бы, ситуация тупиковая. Однако со второй половины XVIII века исследователи начали собирать и осмыслять исторический материал, так или иначе касающийся древнерусского язычества, его сущности, разнообразных форм проявления, полемики с ним православных авторов и многого другого. Язык, фольклор, обряды, обычаи, верования русского народа содержали непосредственные или опосредованные данные о язычестве, которые фиксировались, обобщались и публиковались. Исследования крупнейших специалистов того времени до сих пор служат источником наших знаний о мировоззрении и культуре наших предков дохристианской эпохи. Д. К. Зеленин, Е. В. Аничков, Н. М. Гальковский, М. Д. Чулков и другие исследователи оставили многотомные труды, в которых собран богатый, в основном фольклорный и этнографический материал.

В целом вывод ученых был однозначным: языческие представления никуда не исчезли после введения христианства, они вплетались в церковную канву (или Церковь вплетала их в христианскую культурную систему) и сосуществовали с православными представлениями в форме двоеверия². Современные исследователи (в особенности Н. И. Толстой и С. М. Толстая) пытаются оспорить и сам термин «двоеверие», и его содержание. Н. И. Толстой считал, что высшая – небесная – сфера перешла в верованиях древнерусского народа к христианству, а низшая – «тот свет», «нечистая сила» – осталась в русле языческой магии и обрядности. С. М. Толстая утверждает: «Понятие двоеверия, часто используемое применительно к традиционной культуре славян, не вполне адекватно ее характеру ... для самих носителей традиции система верований была единой и органично сочетала в себе поклонение христианскому Богу и – силам природы и могущественным предкам...»³ На наш взгляд, традиционная культура русского народа в XIX – начале XX века, которую и имеет в виду С. М. Толстая, представляет собой несколько слоев напластований языческих и христианских взглядов народа на окружаю-

¹ Изборник Святослава 1076 года. М., 1965. С. 179.

² Зеленин Д. К. Избранные труды. Т. 1–4. М., 1994–2004; Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914 (репринт: 2003); Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., Харьков. 1913–1916. Т. 1–2 (репринт: М., 2000); [Чулков М. Д.] Абевага русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и прочего. М., 1786; Мансикка В. Й. Религия восточных славян. М., 2005 и др. (Нельзя не упомянуть здесь и фундаментальные труды советского историка и археолога Б. А. Рыбакова: 1) Язычество древних славян. М., 1980; 2) Язычество Древней Руси. М., 1988.)

³ Толстая С. М. Язычество // Славянские древности. Т. 5. М., 2012. С. 617.

щий мир и человека как такового. Но их основа осталась по-прежнему языческой. Когда княгиня Ольга, приняв христианство в Константинополе в 957 году, стала призывать к тому же сына Святослава, он отказался сделать это, потому что, по словам летописца Нестора, «неверным вера христианска уродьство есть»⁴.

Христианство как официальная, государственная религия, навязываемая первоначально сверху и, как известно, вызывавшая сопротивление и неповиновение (достаточно вспомнить неоднократные восстания «волхвов»), только краем затронула верования славянских народов, поменяв имена языческих божеств на имена христианских святых, увязав календарные даты солнечного и сельскохозяйственного циклов с христианскими праздниками Благовещения, Рождества, Троицы и др. Отсутствие богословской литературы и даже просто полного собрания библейских книг (впервые Библия в полном составе была опубликована в России только в 1663 году!) привело к абсолютной христианской неграмотности среди народа. В начале XII века монах Киево-Печерского монастыря летописец Нестор констатировал: «... нарицающиеся христиани, а поганьски (то есть по-язычески. – Л. Ч.) живуще. Се бо не погански ли живем, аще усрести (встрече. – Л. Ч.) верующе: аще бо кто усрящет черноризца, то возвращается... друзии же и закыханью веруют, еже бывает на здравье главе... другыма нравы всяческыи... трубами и скоморохы, гуслими и русальи...»⁵ Даже в XVII столетии, по свидетельству иностранцев, люди в Москве не знали «Символ веры» и не могли ответить: «верую в Бога Отца, Сына и Святого Духа», а говорили только, что веруют в то же, во что верует их царь-батюшка...

Библейскую историю народное мировосприятие переиначивало на свой лад. Приведем один яркий пример: на Русском Севере у крестьянства вплоть до советских времен существовало устойчивое представление об особом народе под названием «фараоны», имеющем верхнюю часть туловища человеческую, а нижнюю рыбью («как у плотицы», «будто бычки»). Их происхождение связывали с библейским рассказом о том, что Красное море поглотило египетских воинов, преследовавших Моисея и евреев при исходе из Египта. Они-то и превратились в народном сознании в полурыб-полулюдей. В начале XVII века эта легенда была зафиксирована в «Сказании московских купцов о рыбах»: «В Чермнем море есть рыбы, что были люди фараоновы... а у тех рыб главы человеческие, а тулова у них нет, токмо едина глава, а зубы и нос человечесьи, а где уши, тут перье, а где потылица, тут хвост»⁶. И подобных примеров народного толкования Библии можно привести много.

Или другой, не менее показательный, пример. А. Н. Радищев в своем знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» рассказывал о крестьянской свадьбе, где новобрачная была «...бела и румяна. Зубы как уголь». Что это? А то, что в конце века Просвещения жило и процветало языческое суеверие, что через рот невесты к ней на свадьбе стремится влезть нечистая сила, и из-за этого обязательно надо чернить зубы, чтоб были, как уголь, и не пропустили бы нечистую силу внутрь; другими словами, надо «заградить врагам ворота!». Поэтому говорить о древнерусском язычестве надо как о преобладающей в народе мировоззренческой системе, лишь поменявшей наименования своих основных положений с языческих на христианские. И если снять христианские напластования, то открывается первоначальный языческий смысл, вложенный в христианские названия, понятия и термины. Именно этот, языческий по сути смысл мы и попробуем воссоздать в данном исследовании повседневной жизни языческой Руси. И в этом нам помогут, прежде всего, археологические источники, то есть те, которые если даже и поменяли свои названия, то всё равно «говорят» сами за себя.

⁴ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. 2. М., 1962. Стб. 51.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 170.

⁶ Рукописный отдел Библиотеки Академии наук. № 24. 5. 32. Л. 97.

Сохранились довольно многочисленные вещественные источники, обнаруживаемые при археологических раскопках в древнерусских городах, в курганных могильниках, на месте предполагаемых святилищ и капищ.

Огромное число археологических находок сохранила земля Новгорода Великого. Благодаря тому, что глинистая почва не пропускает воздух, в Новгородской земле уцелели деревянные изделия, срубы домов, бревенчатые мостовые и берестяные грамоты, которых на сегодняшний день найдено 1135. Грамоты донесли до нас живую речь и мысли горожан в период самого начала распространения христианства, когда языческие представления были еще очень сильны, даже доминировали. В грамотах мы встречаем языческие заговоры и заклинания, убеждающие нас в том, что период «двоеверия» был весьма длительным. Так, например, грамоты под номерами 715, 734, 1022 содержат тексты заговоров против «трясовицы» (лихоградки).

Веками в народном сознании православный крест мирно уживался с языческими оберегами, что видно по археологическим находкам бус и оберегов, постоянно носимых на шее и женщинами, и мужчинами и состоящих из христианского символа в центре и массы языческих символов с обеих сторон от него. Среди археологических источников следует также упомянуть раскопанные и изученные святилища, языческие идолы, камни-следовики, лунницы, различные фигурки оберегов, «скотьих богов» (то есть амулетов, вешавшихся на шею скоту), медвежьи и кабаньи клыки и многие другие находки, позволяющие более или менее полно представить и обрисовать материальный мир, окружавший русских людей. Досконально изучен каменный Збручский идол, обнаруженный в 1848 году в реке Збруч в Западной Украине.

Порой археологи затрудняются определить характер ритуального использования некоторых найденных предметов, хотя уверены в том, что они имели культовое назначение. Например, шаровидные деревянные навершия в виде головы человека, птицы, руки, треугольника, крюка, цилиндра. Такие навершия невозможно было использовать утилитарно, но что конкретно делали язычники с ними, остается загадкой⁷.

Еще сложнее воссоздать духовный мир древних славянских племен, вошедших в IX столетии в состав Киевской Руси. Как предостерегал в свое время выдающийся историк В. О. Ключевский, нельзя судить о жизни далеких от нас по времени людей лишь по «впечатлению, которое она на нас производит. Не будет ли справедливее, человечнее и научнее брать во внимание при этом суждения и те чувства и соображения, с какими работали над этой жизнью ее строители... Чтобы понимать своего собеседника, надо знать, как он сам понимает слова и жесты, которыми с вами объясняется, а обычаи и порядки старой жизни – это язык понятий и интересов, которыми старинные люди объяснялись друг с другом и объясняются с нами, их потомками и наблюдателями»⁸. Но поскольку живых голосов наших языческих предков мы с вами практически не слышим ввиду отсутствия письменных свидетельств, исследователям остается прислушиваться к более поздним «отголоскам» тех древних времен, сохранившимся в русском народном мировосприятии в самых разных видах и формах вплоть до XX столетия.

Чрезвычайно важную информацию о взглядах язычников содержат и апокрифы, созданные вскоре после принятия христианства в Греции и Римской империи и попавшие на Русь в переводах. Эти сочинения не вошли в кодекс канонических христианских текстов, утвержденных Лаодикийским собором в 367 году, а часть их были признаны опасными для христианства и включены в список «отреченных», то есть запрещенных, книг, в русском варианте – «Индекс запрещенных книг». Тем не менее отдельные апокрифы вошли в древнерусские рукописи: «Изборник Святослава» 1073 года, Тактикон Никона Черногорца XI века, Кормчую.

⁷ См.: Тяпина Е. А. Шаровидные деревянные навершия средневекового Новгорода // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2015. № 3. С. 275–290.

⁸ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959. Т. 8. С. 476.

Апокрифы составлялись в жанрах посланий, молитв, вопросов и ответов, гаданий, заговоров. Со временем они дополнялись и изменялись, часть их использовалась Русской церковью на официальных церковных службах, например, так называемые «Никодимово евангелие», «Протоевангелие Якова», легенды о Богородице.

Апокрифы показывают, как язычники начали приспосабливаться к новой – христианской – вере, сохраняя при этом свои устоявшиеся приемы выживания в природе и обществе. Целый ряд апокрифов был посвящен подробностям сотворения мира и человека, ветхозаветным пророкам, Богородице, святым и мученикам, эсхатологии. В них языческие элементы выстраиваются в логические цепочки, позволяющие понять, как именно библейские персонажи и события библейской истории вводились в мощный пласт языческих сюжетов и схем. Самыми языческими по духу оказались апокрифы-молитвы и апокрифы-гадания. Чаще всего они направлены на борьбу с нечистой силой, изгнание болезней, сглаза, на «утишение» грозы и других природных катаклизмов, укусов животных и змей и т. п. По сути, такие апокрифы – это языческие заговоры, куда вкрапляются христианские элементы. Гадательные книги посвящены в основном природным явлениям. По «Громникам» гадали об урожае, голоде, войне, исходя из того, в какой месяц, фазу Луны, день или время суток прогремит гром. По «Молнйникам» делали то же самое по проблескам молнии. По «Трепетникам», основанным на наблюдениях за «трепещущими» частями тела человека, определяли его ближайшее будущее, жизнь или смерть. По «Месяцесловам» предсказывали судьбу в связи с болезнью, ориентируясь на дни недели и месяцы.

Официальная Церковь о язычестве писала только в негативном ключе, осуждая его как ересь, «бесовство». Так, например, в древнерусском варианте греческих и южнославянских поучений («Слово святого отца Иакова о дни святых недели», «Слово святого Григория», «Слово святого Иоанна Златоуста» и др.) содержались обобщенные, порой весьма расплывчатые описания языческих обрядов и верований. В «Слове святого отца Иакова о дни святых недели» из «Измарагда» 1-й редакции говорилось, что «...ленивии безумнии чают святых неделя, оставльше дела, собираются на игрищах... овы гудуща, а овы пляшуща, другыя же пустошная поюще, овы клещуща, а ины борющася, а другыя помазующе друг друга на зло...»⁹. Подобных упоминаний о плясаниях и плесканиях в христианские праздники (отнюдь не случайно совпадавшие по времени со старыми языческими праздниками!) можно привести немало. Однако почти все они скорее характеризуют поведение древних русичей в эти дни, чем их верования и представления о мироустройстве.

Существует масса отрывочных данных о поклонении славян деревьям, камням и источникам. Например, в составленном в XVI столетии Житии святого князя Константина Муромского говорилось, что славяне приносили жертвы в виде полотенец вековым деревьям, развешивая свои жертвоприношения на ветвях. А после принятия христианства те же племена устраивали крестные ходы к деревьям и обвешивали их ветки красными и белыми лоскутками и лентами. Причем в целом ряде обличительных повествований упоминается об участии в этих ритуалах православных попов. Вот и получалось, что христианство лишь заменило жрецов на священников, оставив суть обрядов без изменений.

За последнее время больших успехов в сложном деле воссоздания мировоззрения язычников достигла российская этнолингвистика, ставящая своей задачей сравнительный анализ многих дошедших до нашего времени фактов, связанных с язычеством и собранных археологами, этнографами, источникововедами, фольклористами, лингвистами, историками, искусствововедами в разных славянских странах. Обобщение этих данных позволяет воссоздать наиболее полную картину сохранившихся остатков языческой духовной культуры. А при сравнении сов-

⁹ Цит. по кн.: Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2. С. 218.

падений или расхождений во взглядах на мир и человека язычников разных стран и регионов эта картина становится все более и более полной¹⁰.

Былины, былички, загадки и другие произведения фольклора наполнены отголосками языческих верований и представлений. Но они не могут являться основным источником научного исследования, поскольку эти отголоски порой даже не вторичны, а третичны. Они должны привлекаться к исследованию только как дополнительный источник.

Крайне интересный материал содержится в народных пословицах и поговорках. Собранные и опубликованные в XVII–XVIII веках сборники пословиц отражают и повседневную жизнь народа, и его мировидение. Хочу оговориться сразу, что в тексте моей книги будет множество пословиц, показавшихся мне важными с той или иной стороны; все они взяты из двухтомного издания Владимира Даля «Пословицы русского народа» (М., 1984), поэтому ссылки на это издание не будут приводиться, чтобы не перегружать научно-справочный аппарат.

В предлагаемой читателю книге я постаралась также не перегружать его перечислениями источников и доказательств с точным указанием, где, когда и что именно было открыто специалистами в области «язычествоведения». Среди ученых сломано немало копий по поводу толкования отдельных слов и понятий. Например, они не смогли прийти к однозначному решению, кого же называли в «Слове святого Григория» «берегинями». Одни (Е. Аничков, Н. Гальковский, Л. Нидерле) считали их русалками, другие (Д. Зеленин) относили к «трясовицам»-лихоградкам, третьи (А. Брюкнер, Р. Эккерт, В. Иванов, В. Топоров) видели в них духов гор и холмов, наконец, И. Срезневский предложил обобщенный вариант – «злые духи». В подобных случаях крайне сложно выбрать какой-то один вариант толкования и отдать ему предпочтение. Моя задача скромнее: не исказить добытый исследователями материал и дать по возможности правильную оценку фактам, чтобы воссоздать как можно подробнее и правдивее повседневную жизнь древнерусских людей в дохристианские времена, в основном, по языческим отголоскам в народной культуре.

¹⁰ См.: Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. М., 1995–2012.

Мир глазами язычников

На сегодняшний день не найдено ни одного произведения языческого времени Древней Руси, объясняющего верования и представления о мире людей дохристианской эпохи. Первые сведения об этом появляются только в христианское время в летописях, церковно-учительных поучениях, полемических сочинениях, посланиях и т. п. Естественно, что они содержат в качестве обязательного компонента обличительные оценки язычества как поклонения бесам, дьявольского дела и «научения». Так, например, в «Повести временных лет», написанной в начале XII века монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, говорится: «По дьяволю ученью ови рощение, кладзем и рекам жряху и не познаша Бога... Посем же дьявол в большее прельщенье вверже человеки и начаша кумиры творити: ови древяны, ови медяны, а друзии мрамаряны, а иные златы и сребрены. И кланяхуся им и привожаху сыны своя и дщери и закалаху пред ними и бе вся земля осквернена...»¹¹ Человеческие жертвоприношения, распространенные в язычестве, таким образом, объясняются «прельщением» дьявола. С точки зрения митрополита Илариона, высказанной им в «Слове о законе и благодати» в XI столетии, «поганые», то есть язычники, последовали бесам, а христиане уже не последуют бесам.

Из «Слова святого Григория, изобретено в толцех о том, како первое погани сущее языци кланялися идолом и требы им клали» узнаем об объектах поклонения древних славян. Среди них названы молния, гром, солнце, луна, реки, источники, камни, деревья, растения, а также идолы Перун, Хорс, Род и рожаницы, Мокошь, Сварог и др., а еще и божества низшего уровня (болгарские вилы, берегини, упыри и пр.). Согласно логике данного сочинения, складывается следующая картина развития язычества во времени: сначала славяне начали поклоняться упырям и берегиням, затем Роду и рожаницам и только потом Перуну: «...и ти начаша требы клати роду и рожаницам, прежде Перуна бога их, а прежде того клали требы упырем и берегиням»¹². В позднем списке XVI века этого же памятника уточнялись и места совершения обрядов – под овином, в хлевах, на кладбищах (зажигать огни для покойников), у воды и т. п.

Род и рожаницы оказываются наиболее часто упоминаемыми божествами языческого пантеона на протяжении многих столетий. В XV–XVI веках в слове «О вдуновении духа в человека» давалось объяснение действиям бога Рода. Он якобы посылал с неба «груды», из которых появлялись человеческие детеныши. Слово «О вдуновении духа в человека» опровергало эти представления язычников: «то ти не Род, сея на воздухе мечет на землю груды и о том ражаются дети». Род и рожаницы упоминались и в памятниках, посвященных борьбе с суевериями XVIII века, когда другие языческие божества уже не назывались. Но был ли Род в сознании язычников не просто божеством, связанным с деторождением и продолжением человеческого рода, но творцом всего мира (как предположил историк Б. А. Рыбаков), остается под вопросом¹³.

Так откуда же «есть пошел» (по выражению летописца Нестора) языческий мир? Кто был богом-творцом этого мира, по мнению древних славян? Как устроен был этот мир и почему он был устроен именно так, а не иначе? На все эти вопросы нет однозначных ответов. Существуют только гипотезы, более или менее обоснованные. С этим надо смириться и попытаться собрать как можно больше доказательств, взятых из достоверных исторических источников, чтобы обосновать свою версию.

Из памятников мировой литературы античной, эллинистической и средневековой эпох можно почерпнуть сведения о язычестве народов Древнего мира. Примечательно и законо-

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 91.

¹² Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2. С. 32–33, 68.

¹³ См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. 2-е изд. М., 1981. С. 438–470.

мерно, что самые ранние мифы о сотворении мира так или иначе связаны с антропоморфной фигурой. Так, в космогонических мифах Древней Индии Земля и Небо были созданы из тела первочеловека Пуруши. Четвертая часть его тела послужила материалом для всех живых существ на Земле, а остальные три четверти образовали Небо. У Пуруши тысяча голов, тысяча глаз, тысяча рук и ног и т. д. Он воплощает в себе закон «всеединства» мира: он един и в то же время он множествен, он расчленяется на миллионы частей, равных по своей сути.

В космогоническом мифе Древнего Китая аналогом Пуруши выступал Пань-гу, в скандинавском – Имир. Так, в скандинавском мифе мир создается из тела убитого богами первочеловека-великана Имира (плоть его стала землей, кости – горами, череп – небом, кровь – морем). Антропоморфные построения, связанные с возникновением мира, отмечены исследователями у многих народов, в частности у американских индейцев, народов Океании и др. «Космическая телесность», «пластически слепленное целое, как бы некая большая фигура или статуя», с точки зрения А. Ф. Лосева, представляла собой мир в воззрениях древних греков и римлян. Мировое Тело находилось в постоянном движении, то распадаясь на мелкие частицы и превращаясь в хаос, то снова собираясь в единое целое: «материально-чувственный и живой космос, являющийся вечным круговоротом вещества, то возникающий из нерасчлененного хаоса и поражающий своей гармонией, симметрией, ритмическим устройением, возвышенным и спокойным величием, то идущий к гибели, расторгающий свою благоустроенность и вновь превращающий сам себя в хаос»¹⁴.

Как считают российские ученые В. В. Иванов и В. Н. Топоров, ведийский гимн о Пуруше повлиял на славянскую концепцию миротворения из тела первочеловека Адама, отразившуюся в так называемой «Голубиной книге»: «... в стихе... содержатся представления о соотношении человека и вселенной, микро- и макрокосма, соответствующие ведийскому гимну о Пуруше и восходящие к общему с ним индоевропейскому мифу о творении мира из тела человека»¹⁵. Правда, в древнерусском и древнеболгарском вариантах апокрифа об Адаме Бог создает первого человека из восьми частей мира, а не наоборот. В «Голубиной книге» тело Адама создается из земли, кости из камней, кровь из морской воды, глаза из солнца, мысли из облаков, дыхание из ветра, теплота из огня, «свет – от света». Из тела Адама возникают все люди: из головы появляются правители (цари), из «мошей» князья и бояре, из ног крестьяне... Первочеловек Адам заменяет собой мировую ось: из его головы растет Мировое дерево, соединяющее Небо, Землю и преисподнюю («тот свет»).

Однако апокриф об Адаме появился уже в христианскую эпоху и несет на себе явное влияние православной концепции миротворения Богом. В то же время в древнерусской литературе встречаются указания, что язычники считали сотворение мира заслугой своих божеств – «болванов», то есть идолов, олицетворявших эти божества. Например, в «Слове о неделе», датированном XII–XIII веками, говорится, что «невернии написаша свет болваном». Именно поэтому якобы язычники прятали выдолбленных из дерева и расписанных языческих идолов от церковных и светских властей: «болван есть спрятан, выдолбен, написан»¹⁶.

Земля в восприятии древних славянских народов имела плоскую форму и опиралась на нечто огромное, что могло ее удержать: трех волов или одного, стоящих на рыбе, плавающей в бескрайних водах. У русских существовало предание, отраженное в «Стихе о Голубиной книге», в котором Земля покоится на ките, и когда этот мифический кит шевелится, происходит «трус», то есть землетрясение, способное привести к концу света:

Что на Ките-рыбе основан весь белый свет...

¹⁴ Лосев А. Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Дерзание духа. М., 1989. С. 153–154.

¹⁵ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 25.

¹⁶ Срезневский И. И. Древние памятники русской письменности и языка. СПб., 1863. С. 272.

Когда ж Кит-рыба потронется,
Тогда мать-земля вся поворотится,
Тогда белый свет наш покончится;
Ах, кит-рибина разыграйтца,
Все сине море восхолыхнитца,
Сыра мать-земля вся вздрогонитца,
Тады будя время опоследняя¹⁷.

Отдельные разрозненные свидетельства о мировосприятии древних славян оставили иностранные авторы античной эпохи и периода эллинизма. Византийский писатель Прокопий Кесарийский в своем труде «Война с готами», в частности, писал, что в VI веке н. э. анты и славяне высшим божеством почитали бога грома и грозы, которому приносили в жертву быков и волов. По его словам, праславяне не признавали Судьбы (как это делали греки) и все события своей жизни связывали с разными божествами, «покупая» жертвенными приношениями свою жизнь, здоровье, спасение от болезней, голода, землетрясений и т. д. Писатель также утверждал, что анты почитали всю природу в целом, в отдельных ее частях и представителях, в особенности же реки и живущих в них нимф. Он также указывал, что анты постоянно приносили жертвы и проводили гадания о будущем.

Почему это было столь важно для них, чего они боялись?

Упорядоченному гармоничному Космосу противостоял бесформенный бестелесный Хаос – в форме мифического дракона, морского чудовища, «первозмея», опоясывающего Землю и пытающегося разрушить ее. По мнению М. Элиаде¹⁸, не только мир теней, мрака и смерти связан в представлениях язычников с Хаосом, но и все зло в мире, все отрицательные силы, существа, человеческие эмоции (ярость, гнев и пр.). Все они порождаются Хаосом, выходят из него и тогда принимают чужую форму, как бы украденную у организованного, упорядоченного Космоса. Что же спасало мир от всепроникающего хаоса?

Стержнем, на котором держался весь мир, было, по представлениям язычников, мировое древо. Оно находится в самом сердце, центре мира, организует мировое пространство, придает форму Космосу, притягивает к себе и сдерживает все природные стихии и силы. Его основанием служит «пуповина морская» с островом, а на нем камень Алатырь. «Порода» мирового древа называлась разными славянскими народами разная. По наблюдениям одних ученых, восточные славяне предпочитали считать мировое древо березой; другие специалисты склонны видеть в нем «булатный дуб». Иногда называются также кипарис, сосна, яблоня, явор (клен) и некоторые другие виды деревьев.

Дуб в качестве мирового древа у восточных славян фигурирует в массе фольклорных и археологических источников. Так, в апокрифах («Беседа трех святителей», «От скольких частей создан был Адам») говорилось, что «железный дуб» является мировым древом, утвержденным на «силе Божией». Часто в славянских загадках фигурировал «дуб-вертодуб» или «дуб-стародуб» в качестве стержня мира. Многочисленные свидетельства о жертвоприношениях возле дубов содержатся в письменных источниках, начиная с трактата Константина Багрянородного «Об управлении государством» X века и вплоть до XIX века. К примеру, в «Духовном регламенте» 1721 года обличались священники, совершавшие молитвы вместе с народом перед дубом. Археологи обнаружили несколько дубов, сброшенных когда-то при христианизации в реки (Днепр, Десну) с воткнутыми в их стволы кабаньими челюстями, что свидетельствует о проводимых у этих деревьев жертвоприношениях. Именно дуб считался деревом Перуна и символом мужского начала.

¹⁷ Бессонов П. А. Калики переходные. Сборник стихов и исследований. Вып. 2. М., 1862. С. 368–369.

¹⁸ См.: Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

Все славянские народы сходятся в том, что мировое древо делит мир на три части: крона его пронизывает небо, ствол объединяет земли этого света, а корни погружены в преисподнюю, проникают на «тот свет». На вершине мирового древа живут солнце и луна. Небесная зона вокруг него населена птицами, в основном орлами, соколами и соловьями, а также мифологическим Дивом и др. Небесный мир виделся язычникам как зеркальное отражение земного и так же связанным с подземным миром, как и земной. Все три мира – подземный, земной и небесный – взаимодействовали и влияли друг на друга. Небо мыслилось как некая кровля, покрывающая землю. Состояла кровля, по поверьям разных славянских народов, из стекла, камня, железа, серебра, кожи или полотна. К небесному своду были прикреплены луна и звезды, движущиеся по своим маршрутам. Небо делилось на череду небес (от двух до семи), при этом верхнее из них представлялось как твердь, иногда как хрустальная. В апокрифе, к примеру, говорилось: «небо хрустальное на столпах железных». Представление о необъятности неба отразилось в русской загадке: «Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат». У неба есть «край», где оно сходится с землей, и живущие там люди используют небо как полку, на которую кладут свои прялки, вальки и другие вещи. Звезды – это гвозди, вбитые в небо, вращающиеся вокруг главной – Полярной – звезды. Созвездия, в особенности Млечный Путь – это путь с земли на небо. Венера, называемая то «утренница», то «денница», то «вечерница», в зависимости от времени суток, когда она видна, могла иметь свой культ, что отразил древнерусский заговор: «...встахом заутро и ...помолился деннице»¹⁹. Звезды образуют одну семью с солнцем и луной, они ведут себя, как люди, в частности, как дети («играют», «убегают», «купаются» и т. п.). Облака и грозовые тучи ассоциировались со стадами небесных коров, возглавляемых быком, поэтому первое и главное грозовое облако язычники называли быком: «Вон какой бык-от из-за лесу-то вылазит!»²⁰ Грозовые тучи и облака именовались «говяда» по аналогии со стадом коров. Кроме того, белые облака ассоциировались с молоком небесных коров, проливающимся на землю в виде дождя.

Средняя зона вокруг ствола мирового древа чаще всего характеризуется наличием пчел, дающих мед – пищу бессмертия, поэтому пчелы священны. В корнях же скрываются бобыры, змеи и прочие хтонические существа подземного слоя. Они связаны накрепко с миром мертвых и могут нанести большой вред миру живых.

Мировое древо в русском фольклоре предстает организующим началом не только пространства, но и времени. Его сучья – это месяцы, птичьи гнезда на сучьях – это недели. Например, в древнерусской загадке о мировом древе говорилось: «Стоит дуб, на дубу 12 сучьев, на каждом сучке по 4 гнезда...» В апокрифических сказаниях мировое древо обыгрывалось как центр мира: именно возле него «выпадала» с небес «Голубиная книга», разъясняющая устройство мира, именно из его корней делался крест для распятия Христа и т. п. В народном мифе о сотворении мира выстраивалась цепочка опор, на которых стоит вселенная: земля стоит на воде, вода – на камне, камень на четырех китах, киты на огненной реке, река на вселенском огне, огонь на железном дубе, а уже дуб – на Божьей силе. Кроме того, в свадебном обряде, в ритуале при закладке нового дома и других обрядах мировое древо занимало центральное место, вокруг которого развивалось действие.

В некоторых случаях осью мироздания назывались столб-«брус», «золотая гора» или «огненная река». Об образе огненной реки в древнерусских источниках имелись двойкие представления: если «в одних случаях огненная река в древнерусской письменности и фольклоре отделяет тот свет от этого (причем в христианских терминах тот свет может отождествляться с раем, а сама огненная река пониматься как ад), то в других случаях она разделяет рай и ад»²¹.

¹⁹ Славянская мифология / Науч. ред. В. Я. Петрухин, Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая. М., 1995. С. 21.

²⁰ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 1. С. 73.

²¹ Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983. Вып. 1.

Как считает ряд исследователей, образ огненной реки старше образа мирового дерева, так как первоначально мир, как уже говорилось, мыслился стоящим «на воде высокой», опирающейся на камень, который держат четыре золотых кита, плавающих в огненной реке²². Как и мировое дерево, огненная река выполняла функцию связи «этого» и «того» света, мира живых с миром покойников: по ней мертвецы плывут в загробную жизнь либо переправляются через нее по мосту, который, как правило, тоньше волоса. В некоторых регионах России (например, в Вологодской губернии) огненная река называлась «Забуть-рекой», поскольку после переправы через нее умершие забывают свою земную жизнь и становятся полноправными жителями царства мертвых.

Функции всех видов мирового стержня совпадали по своей сути: все они упорядочивали как вертикальное (небо, земля, преисподняя), так и горизонтальное пространство (четыре стороны света); как годичное (12 месяцев, 4 недели), так и суточное время (утро, день, ночь). Например, в древнерусских заговорах о мировом дереве постоянно упоминается его обращенность «на все четыре стороны»: «На море на Океяне, на острове Буяне стоит дуб... И мы вам помолимся, на все четыре стороны поклонимся»; «...стоит кипарис-дерево... заезжай и залучай со всех четырех сторон, со стока и запада, и с лета и севера: идите со всех четырех сторон... как идет солнце...»²³; и др. Збручский идол, в котором под одной шапкой были объединены четыре лика божества, обращенных на четыре стороны, представляет собой еще один наглядный пример деления пространства на восток, запад, юг и север.

Мировое дерево описывалось в фольклоре и изображалось в виде разных деревьев, в разных положениях, с различными дополнениями. Логично, что более всего людей интересовал срединный – земной – уровень мирового дерева, где обитали они сами. Иногда от вертикального – большого – мирового дерева отходили как бы горизонтальные – малые – мировые деревья. Еще реже встречались «перевернутые» мировые деревья, у которых наверху были корни, а ветви уходили глубоко под землю, в загробный мир. Об этом, в частности, говорилось в русском заговоре: «На острове на Окияне на острове Кургане стоит белая береза, вниз ветвями, вверх корнями». По мнению специалистов, перевернутое мировое дерево обозначало ось загробного мира, который зеркально отражал устройство мира земного²⁴.

После принятия христианства в русских народных представлениях функцию мирового дерева порой брало на себя райское дерево жизни, которое, в свою очередь, часто путали с деревом познания добра и зла. В апокрифической «Книге Еноха» говорилось, что Бог почивает на древе жизни, растущем в центре Рая. Связь Бога с деревом жизни перекликалась со связью Христа с крестом, процветшим после его распятия.

Таким образом, мир, сотворенный из некоего тела первочеловека (Пуруши, Адама и др.), концентрировался вокруг мирового дерева, упорядочивавшего все его элементы и не дававшего Хаосу разрушить установленный порядок. Особая «языческая диалектика» заключалась в том, что небесная, земная и подземная части мира составляли одно целое, а потому включали в себя как чистое, так и нечистое, как добро, так и зло, как высшее, так и низшее. Язычники сумели приспособиться к этому непостоянству окружающего мира, научились использовать его лучшие качества себе во благо и обороняться от его худших проявлений.

²² Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 144.

²³ Тихоцарев Н. С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 2. С. 443; Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. XI–XVII. СПб., 1889. С. 44.

²⁴ Кагаров Е. Г. Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх // Доклады Академии наук СССР. Серия В. М., 1928. № 15; Топоров В. Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 398–406; Петрухин В. Я. Мировое дерево // Славянские древности. Т. 3. М., 2004. С. 253–254.

Годовой круг и его границы

Жизнь, в представлениях язычников, двигалась циклически, по годовому кругу. Год формировал «круг лету», 28 лет формировали «круг солнца», 19 лет – «круг луны». Циклы в 28 и 19 лет появились по подсчетам древних астрологов и определялись тем, что по истечении этих сроков солнцестояние и новолуние возвращались на прежние дни года. Земля называлась «круг земли», небо – «круг небесной», все моря и океаны – «круг моря». Был еще «круг животный зодийский», насчитывавший 12 созвездий вдоль большого круга небесной сферы. Его влияние на жизнь людей разоблачали христианские авторы, в частности Иоанн экзарх Болгарский в «Шестодневе»: «Яко несть в зовомем крузе зодистем, рекше животнем, живота, иже то творит тако... то суть сами составили астроложскими баснями»²⁵. Гадания по звездам чаще всего связывали с продолжительностью жизни того или иного человека. Солнечные и лунные затмения именовались «гибелью» солнца или луны.

Существовало устойчивое представление о чрезвычайной значимости отдельных отрезков времени в годовом круге, о временных интервалах, границы которых следовало усиленно оберегать. Например, всеобщим для славянских народов было поверье, что в дни зимнего солнцестояния, именуемые «страшными днями», границы с «тем» светом отверзаются, и все, кто обитает на нем, свободно проникают в мир живых. Колядники, ходившие по домам в Рождество уже в христианскую эпоху, олицетворяли собой покойников, навещающих живых и требующих кормления. В колядных песнях сообщается, как колядующие отправляются с «того» света в мир живых, как они идут «по грязной грязи», какие препятствия возникают на их пути («через море глубокое») к земным людям. Граница зимнего солнцестояния открывала годовой круг и имела первостепенное значение, так как в это время прогнозировалась жизнь на весь будущий годовой цикл.

Дни летнего солнцестояния, когда день начинал убывать, также оформлялись как граница, на которой встречались «этот» и «тот» свет. Самую заметную роль в ней играли русалки – воплощение умерших до замужества девушек, живущих до дня Ивана Купалы в лесу на берегах, а после дня летнего солнцестояния уходящих из леса, чаще всего в воду.

Первые две временные границы отмечали зиму и лето, а дни весеннего и осеннего равноденствия – конец и начало весны и осени. Между этими четырьмя границами и пролегал сельскохозяйственный год. Отсюда время было сугубо цикличным: начало одного этапа совпадало с концом предыдущего, ничто не заканчивалось (это бы означало смерть и уход в мир иной), а только возвращалось на круги своя и двигалось строго по замкнутому кругу.

Сутки имели свои временные границы, часы, в которые активизировалась нечистая сила, открывалась связь с «тем» светом. Если в годовом цикле самые открытые границы приходились на дни зимнего и летнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия, то в суточном цикле им соответствовали полночь и полдень, восход и заход солнца: «заря утренняя, заря полуденная, заря вечерняя, заря полуночная». Конечно, самой опасной была «заря полуночная», в течение которой на открытых границах «этого» и «того» света ведьмы слетаются на свой шабаш, совершают оборотнические превращения, отбирают урожай с полей и молоко у коров, «ночницы» (олицетворение бессонницы) не дают спать детям, нечистые покойники приходят в дома, нечистая сила сбивает путников с пути. Уже начиная с захода солнца люди опасались выходить из дома, в особенности дети, беременные женщины, роженицы. С полуночи до первых петухов действовали строгие запреты: нельзя было прясть, смотреть на свое отражение в воде или зеркале (увидишь нечистого), свистеть, петь, громко разговаривать. Ночью по дому

²⁵ Шестоднев, составленный Иоанном экзархом болгарским // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1879. Кн. 3 (Список 1263 г.). Л. 129.

гуляли домово́й и всякая нечистая сила, поэтому утром воду, простоявшую ночь открытой, считали вконец испорченной и выливали. Ночью делали только то, что требовало открытой границы с «тем» светом: проводили отгонные и защитные обряды, опаживание села в случае эпидемии; прогон скота между зажженными кострами в случае эпизоотии; лечебные процедуры типа купания и протаскивания сквозь прокоп в земле; вызывание дождя во время засухи; изготовление магических предметов; гадания, ворожба, колдовство.

Середина дня – полдень осознавался как вторая опасная черта, когда граница между мирами приоткрывается. Все, что делалось до полудня, обрекалось на развитие, рост, процветание, ведь день шел в рост! Все, что совершалось после полудня, получало плохой прогноз для развития, ведь день шел на убыль. В пограничное время (примерно с 12 до 2 часов дня) лучше было ничего не делать, отдать его нечистой силе. Нельзя было работать в поле и даже отдыхать (спать) на меже, иначе «полудница» накажет. «Полудница» – мифологический персонаж в виде женщины или девушки необычайно высокого роста (в четыре раза выше обычного человека) с раскаленной огромной сковородой или серпом в руках – призвана была охранять поля, в особенности с рожью, от палящего солнца и людей, посмеявшихся работать в полдень.

До восхода солнца старались совершить лечебные и очистительные ритуалы (купание, обливание водой, катание по росе и др.), провести сбор целебных растений. При заходе солнца запрещалось спать, начинать какую-то работу, выметать мусор из дома, продавать и давать в долг, хоронить покойника. Все это делалось для того, чтобы не столкнуться с «тем» светом, с мертвецами, вышедшими в пограничное время на пространственные границы.

Единство мира предопределяло близость всего земного и потустороннего. «Этот» и «тот» свет не просто отделены друг от друга огненной рекой (или «Забутье-рекой»), они имеют очень зыбкие, порой легко нарушаемые границы. Границы – это то, что придает форму тому или иному телу в мире и обеспечивает сохранение этой формы от разрушения и Хаоса. Дать жизнь тому или иному существу, предмету, пространству означало, в понимании язычников, прочертить границы его формы, как бы вычленяющие его из окружающего мирового тела. Отсюда значимость границ в менталитете язычников, которая была огромна; ее роль трудно переоценить. Что бы ни делали люди, их первой и основной мыслью были соблюдение и защита границ своего – земного – мира, своего поселения, поля, скота, двора, дома, своей семьи, самих себя. Все и вся подлежало контролю и защите. Нечеткая или нарушенная граница восстанавливалась с помощью обрядов, ритуалов, заговоров. Границы четко маркировали, чтобы предупредить их нарушение нечистой силой, чужими людьми и другими силами. Границы уважали и почитали; существовали специальные запреты, предупреждающие от их нарушения, а также наказания за повреждение границ или посягательство на какое-либо их повреждение. А бывали и так называемые «страшные дни», когда граница между миром живых и миром мертвых считалась открытой для всех...

«Тот» свет как обиталище умерших предков, а также нечистой силы, злых духов и всего сверхъестественного представлял в языческих верованиях то полным аналогом мира земного (поэтому при погребении в могилу клали предметы, которыми умерший владел при жизни, еду, оружие, коня и т. д.), то полной ему противоположностью. Попасть в загробный мир можно было по огненной реке, причем русские фольклорные источники утверждали, что огненная река опоясывает всю Землю. Праведников за деньги переправляет через нее Архангел Михаил, а грешники должны переправляться сами.

Синонимом «того» света иногда становился Ирей (Ирье, Вырей) – мифическая страна за далеким морем, куда улетают птицы и откуда затем возвращаются. Как удивлялся Владимир Мономах в своем «Поучении»: «...и сему ся подивуемы, како птицы небесныя из ирья идут». По общерусским представлениям, в Ирей улетают не только птицы, но и все насекомые, а также уползают все гады и хтонические существа. Ключи от Ирея находятся у кукушки, потому что она первой улетает, а возвращается последней, чтобы отпереть и запереть «тот» свет. Души

всех умерших живут в Ирее, путь в который идет через водоемы, колодцы, водовороты по мировому древу.

Помимо мифической огненной реки, служащей мостом между землей и преисподней, реальные реки также наделялись функцией границ. Реки воспринимались язычниками как кровеносные сосуды матери-земли. По украинским поверьям, реки несут свои воды по поверхности земли в течение семи лет, а затем возвращаются на «тот» свет через «пуп земли»²⁶. В русских былинах реки Дон, Дунай и другие текли кровью павших в битвах богатырей.

Закономерно, что самой опасной для человека языческой эпохи была граница между миром живых и мертвых. Но и естественные изменения природного ландшафта (опушка леса, болото, край поля, подножие горы и т. д.) как бы приоткрывали границу с «тем» светом, а потому требовали защиты и вызывали опасения. Пересечение дорог, край поля, стык чистого и нечистого пространства, то есть граница, в то же время воспринимались как место крайней опасности, вызванной состыковкой «этого» и «того» света. Поэтому именно на границах выполнялись обряды, призванные отогнать нечистую силу или, наоборот, позвать ее на помощь в черной магии.

Граница «этого» и «того» света неизбежно нарушалась при погребении покойников, поэтому погребальный обряд должен был выполняться неукоснительно и во всех деталях. Умершего не только надо было обеспечить всем необходимым для существования на «том» свете, но и предупредить его возможное возвращение на землю с целью навредить живым. Поминки воспринимались как «кормление покойников». Считалось, что умершие видят лишь при свете поминальных свечей, питаются лишь тем, что им приносят на кладбище или кормят в доме на поминках, а также тем, что подают нищим.

Похороны – это пересечение границы миров. Погребение в русских народных причитаниях воспринимается как долгий тяжелый путь покойника на «тот» свет: «ты пойдешь по тем путям-дороженькам, по лесам да по дремучим, по болотам по седучим»; «ты с горы пойдешь на гору, в ворота подземельные»; «в погреба да во глубоки, за лесушки за темные» и т. п.²⁷ В волшебных русских сказках переход из этого мира в мир иной описывался как путь в подземное или подводное царство, называемое также «седьмым царством», сонным, далеким, небесным и др.

Явление покойника во сне воспринималось как реальный контакт с «тем» светом, а сон – как временная смерть.

Душа спящего человека может сама отправиться в мир иной во время «обмирания», то есть обморока, тогда ей предстоит такая же сложная дорога с подъемами и спусками под землю.

Защита границ своего участка земли, двора, дома лежала на каждой семье отдельно. Особое значение имела охрана полевой межи. Рукотворная граница в сельскохозяйственной стране, какой была Древняя Русь, приобретала крайне важное и даже сакральное значение. Постепенно сложился целый комплекс приемов для охраны своего пространства от вмешательства потусторонних сил, сглаза, наговора, порчи и т. п. Посредством обрядовых действий люди старались либо не допустить контактов с нежелательным вмешательством в свою жизнь извне, с «того» света, либо свести эти контакты до минимума и обезопасить себя от влияния «пришельцев». Поэтому обряды чаще всего совершали на границах и рядом с ними.

Чтобы приблизить к границе между «этим» и «тем» светом кого-либо или что-либо, достаточно было измерить объект воздействия или просто сосчитать объекты. Измерение объекта совершали колдуны, ведьмы, нечистая сила с целью сглазить, испортить, погубить. Например, на Русском Севере верили, что если кто-то измерит ниткой рост человека или его тени, а

²⁶ Булашев Г. О. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Вып. 1. Киев, 1909. С. 330–332.

²⁷ Чистяков В. А. Представление о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 121.

затем поместит эту нитку в фундамент его дома, то человек через 40 дней умрет, а после смерти будет являться в разных видах. Так же благодаря счету и называнию точного числа магически ограничивали жизнь на этом свете тех, кого как бы замыкали, останавливая его жизненный цикл. Люди избегали всеми способами называть точное число коров, быков, овец, кур, ульев с пчелами и другой живности в своем хозяйстве. Точно так же боялись называть посторонним точный возраст ребенка, а порой и само его имя.

В то же время, чтобы увести на «тот» свет, «свести на нет» какую-либо опасность, использовали убывающий счет от девяти до нуля. В одном русском заговоре от червей говорилось, например: «У нашего хозяина 9 жен; после 9 жен 8 жен; после 8 жен 7 жен; <...> после двух жен одна жена; после одной жены ни одной...»²⁸ Подобная числовая магия использовалась и при удалении с этого света болезней, чирьев, бородавок, всего, что можно было пересчитать.

²⁸ Майков Л. Н. Великорусские заклинания. 2-е изд. СПб., 1994. С. 78–79.

Четыре стихии

Четыре стихии – огонь, земля, вода и воздух – были в языческую пору не просто природными явлениями. Это были части космического тела, макрокосма. Они жили своей жизнью, как и все остальные элементы мира, имели свои границы и функции, с ними надо было вступать в контакт, как и со всеми прочими обитателями вселенной. Как же трактовали четыре стихии древнерусские язычники?

Стихии наделялись в языческом сознании антропоморфными, человеческими образами, мужскими или женскими, сущностью которых была телесная форма,вершенная, с хорошо маркированными границами, ярко выраженными и прочувствованными частями и деталями «тела» той или иной из них.

Самая важная стихия – огонь. Он возник, согласно славянским апокрифам, отвечавшим на вопрос «Как огонь зачася?», от очей Бога: «Архангел Михаил заже огонь от зеница Господня и снес на землю»²⁹. Однако этот ответ давался в уже христианизированной легенде, а какой ответ давали язычники в дохристианские времена, неизвестно. Может быть, такой: огонь появился из очей бога-громовержца Перуна, посылающего его в виде молний на землю?

Огонь якобы существовал не только в этом мире, но и на «том» свете. Солнце, Луна, звезды – порождения небесного огня. Огненная река, как уже упоминалось, вела в загробный мир. С огненной стихией связан Перун, высшее божество языческого пантеона в дохристианской Руси, а также и другие божества – Сварог, Дажьбог, Хорс.

Огонь нес в себе тепло и свет, а также большую энергию, но он бывал и опасен, яростен, непредсказуем, способен сжечь. Огонь часто именовали сыном бога Сварога, кормили и поили, укладывали спать, обходясь с предельной ласкою и осторожностью, как с человеческим существом, которое может разгневаться, обидеться и отомстить.

«Живой огонь» (по другим версиям, «новый, деревянный, самородный»), получаемый трением двух деревянных палочек, считался очистительным и целебным. Он мог остановить эпидемии, падеж скота, поэтому через зажженный от такого огня костер прыгали, переносили больных, прогоняли стада домашнего скота. Во время эпидемий живые костры зажигали вокруг всей деревни, как бы опоясывая и замыкая пространство внутри живых огней.

Однако антропоморфная сущность огня, выраженная в его капризном и яростном характере, пугала людей. Они ощущали постоянную угрозу пожара, могущего уничтожить их дом, урожай, скот и все остальное, что составляло жизнь язычника. Страх перед огнем вызывал также и стремление задобрить его, принести ему какую-то жертву, заговорить ласковыми словами и т. д. Например, после окончания топки печи в нее бросали пару поленьев в качестве подарка уснувшему огню или ставили рядом с печью горшок с водой и клали полено. К нему обращались с ласковыми именами, в частности «царь», «батюшка» (но нельзя было называть его фамильярно «братом»). Не следовало обижать огонь, бросая в него что-либо «нечистое» или пиная ногой, заливая мочой и т. п. В огонь нельзя плевать, ибо после этого либо весь усохнешь, либо на языке и губах появятся язвы, либо перекосит рот. Разжигая огонь в доме, нельзя было ругаться, так как согласно русской поговорке «огонь грех гневить».

Огонь использовался в массе обрядов, так как его наделяли защитной, очистительной и продуцирующей функциями.

Известно, что огонь любви, воспламеняющий человека (прежде всего его тело), неоднократно упоминался в любовной магии. С помощью огня можно было «присушить» человека, то есть вызвать любовь к себе. В одной из берестяных грамот второй половины XIV века из

²⁹ Памятники отреченной литературы / Собр. Н. Тихонравов. М., 1863. Т. 2. С. 445.

Великого Новгорода сохранился отрывок заговора: «...так ся розгори сердце твое и тело твое и душа твоя до мене и до тела моего и до виду до моего...»

В древнерусских былинах отразился образ огненного «Летучего змея», превращавшегося на земле в человека. В этой ипостаси огонь выполнял две функции: либо приносил богатство хозяину дома, открывал клады, либо воплощал сугубо мужское начало, прилетая по ночам к девушкам, утратившим невинность, одиноким женщинам и вдовам и вступая с ними в связь. Последствия такой неестественной связи крайне печальны для женщин – они болеют, усыхают, гибнут либо рожают сына, превращающегося в змея или демона, черного, с копытами, без глазных век и т. п.

Вторая из первостихий с явным мужским началом – воздух, предстающий то в виде вихря, урагана, а то в виде легкого попутного ветерка или пара. С ним обращались столь же уважительно, как и с огнем, его тоже кормили, уговаривали и пр. Перед ветром нельзя кичиться, дразнить его, унижать каким-либо способом. Он, так же как огонь, может отомстить за непочтительное обращение, превратившись в ураган. О таком отношении к ветру свидетельствует народная поговорка «Выше ветра головы не носи». Метод «разговора» с ветром типичен для язычников: заговоры, причитания, мольбы. Так, к примеру, в одном древнерусском заговоре к ветру обращались за помощью, начиная свою речь следующим образом: «Поклонюсе я, раб божий, ветряному мужу, златому телу, четырем ветрам, четырем братьям...»³⁰ Знаменитое обращение Ярославны к ветру в «Слове о полку Игореве» обретает в этой связи значение рядового, типичного заговора.

Бог ветра – Стрибог – вошел в языческий пантеон князя Владимира в 980 году как одно из важнейших языческих божеств. В качестве мифологического персонажа ветер почти всегда выступал в человеческом облике, то как один человек (средовек, дед), то как четверо мужчин, дующих на четыре стороны света, то как глава семьи, где его сопровождали 12 сестер (месяцы годового цикла). Его характерными антропоморфными приметами были огромная голова, толстые губы, изодранная шапка и дырявый кожух.

Ветер разносил по миру и хорошее, и плохое. Воздух наполняли разные демонические существа (ведьмы, черти и другая нечисть) и болезни, поэтому в древнерусском языке заразная болезнь называлась «поветрием», то есть приносимой воздухом. В Сибири говорили: «Кто с ветру скажет – болезнь тут как тут». Чтобы обезопасить дом от плохого ветра, втыкали под крышу дома густой пучок прутьев (веник). Опасный для животных ветер, приносящий смерть, получал имена собственные. Так, в Псковской губернии северо-восточный ветер называли волкодавом или волкорезом. Помимо болезней ветер мог принести также и порчу, поэтому, в частности, в Архангельском крае девушке в период от рукобитья (то есть сговора) до сватовства запрещалось гулять на ветру.

Хороший добрый ветер – это попутный ветер, дующий в спину и помогающий во всех делах. Древние русичи, чтобы вызвать небольшой попутный ветер, необходимый для веяния жита, мореходства, рыболовства, работы мельниц и т. д., прибегали к свисту, пению, дули в нужном направлении, махали руками, произносили заговоры и призывы. Так, в Архангельской губернии моряки бросали в воду хлеб «на поветера», приглашая попутный ветер. А женщины обращались к морскому восточному ветру с мольбой: «В[о]стоку да обеднику каши наварю и блинов напеку, а западу шалонику спину оголю, в[о]стока жена хороша, а у запада шалоника жена померла»³¹.

Опасность вызвать злой вихрь видели, прежде всего, в злых словах, обращенных к ветру, чего нельзя было делать ни в коем случае. Существовал еще целый ряд опасных занятий, спо-

³⁰ Цит. по кн.: Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 36.

³¹ Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 28.

собных вызвать смерч или ураган. Одно из таких занятий, например, – мотать нитки на закате солнца. Также смерч могли вызвать разорение муравейника, дутье на огонь в определенные моменты и тому подобные действия.

Женская половина первостихий – земля и вода – отличалась от мужской половины (огонь и воздух) менее выраженной амбивалентностью. Земля и вода не наделялись присущими им злостью или мстительностью. Они более пассивны: не вода виной высоким волнам на море, а ветер; не земля вызывает грозу, оплодотворяющую ее, а громовержец Перун.

«Мать сыра земля» – абсолют добра и чистоты, не просто почитаемый, а наиболее любимый образ. Согласно поверьям крестьян, земля есть мать всего человечества и отдельного человека: «Гой еси сырая, Земля матерая! Матерь нам еси родная, всех еси нас породила...» Антропоморфный характер земли близок образу макрокосма. Кости матери-земли составляют горы, скалы и камни, кровь ее – это вода, кровеносные сосуды – реки, жилы составляют древесные корни, волосы образуют травы и растения. Осенью земля засыпает («замыкается»), весной просыпается. Ее нельзя тревожить, нельзя обижать. Она часто страдает, плачет, скорбит по погибшим людям. Персонификация земли как женщины-матери дополнялась сравнением вдовы с высохшей, бесплодной землей. Только изредка земля могла гневаться на людей за их прегрешения и лишать их урожая.

Мифопоэтическое творчество всех первобытных народов наполнено описаниями исполнения землею своих гендерных телесных функций, в первую очередь плодородия, деторождения, а затем уже и всех остальных. Вера в землю как в божество сопровождала русский народ с языческих времен, как и другие народы, у которых порой проскальзывали отголоски представлений о Матери-прародительнице мира в целом. Так, например, в начале XII столетия в «Повести временных лет» обличаются верования русских, называющих землю матерью: «Паки же и землю глаголють матерью... Да аще им есть земля мати, то отец им есть небо». В этих словах отражено представление о супружестве неба и земли. Существовали также заговорные формулы: «Земля – мать, небо – отец», «небо – ключ, земля – замок». Землю в XIX веке старообрядцы приравнивали к Богу, отказываясь исповедоваться православному священнику и утверждая, что они исповедуются «Богу и матери сырой земле»³². И хотя старообрядцы данными словами скорее всего отвергали саму возможность исповедоваться священникам-«никонианам», значение «Матери сырой земли» здесь весьма показательное.

Главная миссия земли заключалась в очищении всего и вся. Землю могли использовать вместо воды для мытья рук или лица. У земли был непререкаемый авторитет очистителя, поэтому не просто словесно клялись землей, взяв в руки или положив ее за пазуху, на голову или спину, но и целовали землю, клали щепотку в рот, съедали кусочек земли. До XX столетия включительно сохранились клятвы: «Чтоб мне землю есть, если совру» и требование к дающему клятву: «Ешь землю!» Истинность той или иной полевой межи доказывали проходом по полю с большим куском земли (дерна) на голове, при этом приговаривая, что если обманут, то пусть земля задавит клятвопреступника. Подобный способ принести клятву на меже известен еще в XI веке из славянской вставки в «Слово Григория Богослова». Целование земли (иногда трехкратное или многократное) было самым распространенным и практиковалось во всех губерниях Российской империи до начала XX века в самых разных ситуациях.

Все славянские народы признавали целебную силу земли. Для умножения этой силы землю брали на пространственных и временных границах. Особую магическую ценность имела земля, взятая с перекрестка дорог, из первой борозды, с трех или девяти полевых межей, из-под угла печи в своем доме, из-под человеческого следа, взятая при виде первой ласточки, аиста, во время первого кукования кукушки и т. п. Не обошлась без землицы и любовная магия. В

³² Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1913. С. 281.

новолюбие девушки клали под подушку узелок с землей из-под своей правой ноги, что должно было помочь увидеть во сне суженого.

Поскольку земля служила «домом» для покойников, то кладбищенская земля считалась особенной. С одной стороны, ее использовали в магии, чтобы наслать порчу, болезни, смерть. С другой – земля с могилы родственников (так называемая «Родительская земля») считалась исцеляющей и использовалась в народной медицине. У всех восточных славян было поверье, что земля с могилы родственников освобождает от тоски по умершему, такую землю клали себе за пазуху или натирали ею грудь. Больного могли закапывать по шею в землю, протаскивать через земляной прокоп, могли прикладывать горсть земли к больному месту, натирать грудь, подмешивать землю больному в питье и др. Все эти действия могли сопровождаться заговорами типа: «Мать земля-сыра, родимая, от тебе берем и тебе отдаем: отними болезнь от такого-то»³³.

Вообще связь с потусторонним миром, осуществляемая через землю, играла огромную роль в жизни язычников. Могила – телесный дом мертвеца, земля отгораживает его от мира живых, поэтому с ее помощью всячески перекрывали покойнику путь назад, в мир живых. Перед смертью больного выносили в поле для прощания с землей; чтобы облегчить ему кончину, его клали на землю либо клали землю ему на грудь; у всех славян был обычай бросать горсть земли вслед похоронной процессии, так же как и обычай бросать горсти земли на гроб умершего в могилу при закапывании. Наши предки считали, что земля с семи могил умерших людей (или с семи разных кладбищ) может предотвратить любые беды и несчастья.

Таким образом, святая «Мать сыра земля» была главным божеством, адресатом древнерусских заговоров, заклинаний, гаданий, молитв и клятв даже в христианские времена, когда она стала ассоциироваться с Пресвятой Богородицей.

Наконец, последняя из первостихий – вода – была не менее значимой, чем все остальные. Вода считалась старше земли, так как она появилась раньше, в ее волнах плавал первозмей, ставший основанием, на котором возникла земная твердь. После этого вода ушла под землю и на небо, как бы окутывая собой мир. В Древней Руси люди верили, что небесные и подземные воды связаны друг с другом и эта связь проявляется в таких природных явлениях, как дождь, засуха, радуга.

Вода вездесуща и переносит по мировому телу всё, и хорошее, и плохое. Отсюда сама по себе она амбивалентна и знак плюс или минус, которым ее наделяли, зависел от других параметров, а не от нее самой. Вспомним хотя бы сказки о живой и мертвой воде, распространенные в любом из славянских фольклоров. Чистота воды, быстрота ее течения, прозрачность, свежесть («новая вода») и другие ее положительные качества использовались наравне с негативными характеристиками типа нечистоты, замутненности, стоячести, несвежести («старая вода») и пр.

Источники и колодцы следовало почитать и оберегать. Им приносили жертвы, возле них совершали многие обряды, в частности бракосочетания, приносили клятвы и т. п. В то же время набирать воду из колодцев или источников запрещалось людям, находящимся в «пограничном состоянии» (больным, беременным женщинам, роженицам, женщинам, обмывавшим мертвецов), потому что они могли испортить воду и даже иссушить источник. Свежая прозрачная вода сопровождалась пожеланием «Будь здоров, как вода».

Чистая проточная вода часто персонифицировалась и получала женские имена (Ульяна, Елена и др.); ее называли ласкательно «милой, матушкой, водицей». Очистительная функция проточной воды считалась безупречной, поэтому наиболее распространенными были обращения с просьбой унести зло и очистить человека, берега, луга, камни и всё вокруг. В быструю

³³ Цит. по кн.: *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб., 1903. С. 201.

реку бросали всё то, от чего хотели избавиться (ненужные старые или опасные предметы и вещи, вредных насекомых и пр.). В то же время водную стихию (реки в том числе) подкармливали, бросая в нее хлеб, кашу, зерна, яйца, соль и другую пищу.

Считалось, что вода, набранная в нужный день (утро Рождества, Нового года, Великого четверга, дня Ивана Купала) и в нужное время (до восхода солнца), принесенная в полной тишине без единого слова («немая вода»), обладала особой силой. Ею поили больных, кропили скот, углы дома, амбары.

Чтобы использовать очистительную, продуцирующую силу воды, проводили обряды обливания и купания. К примеру, невесту, утратившую девственность до свадьбы, насильно купали в реке или обливали с ног до головы. Чтобы вызвать дождь, обливали двор, постройки во дворе, пастуха или беременную женщину. Прекращению засухи должны были способствовать обливания могил «заложных покойников», то есть «нечистых» мертвецов, лишенных упокоения в могилах и в виде мифологических существ постоянно возвращающихся на этот свет. Чтобы предотвратить засуху, обливали водой всех и вся.

Если же вода в виде грозы с градом была крайне нежелательна, то прибегали к особым ритуалам, проводимым особыми людьми – облакопрогонниками. О их существовании мы узнаем из Ефремовской Кормчей XII века, в которой говорится, что облакопрогонников надо отгонять от церкви вместе с волхователями и чаровниками. Обычные в другое время люди, облакопрогонники при угрозе грозы выходили на край селения, где произносили заговоры, размахивая руками или палкой. Когда у них не получалось прогнать тучи и отворотить град, то односельчане предполагали, что они это сделали намеренно, поэтому их задабривали различными дарами как «знающих людей».

Изменчивость воды делала ее излюбленной средой, используемой при гаданиях, в особенности в любовной магии. В воде можно было увидеть отражение будущего возлюбленного. Устойчивый оборот «Как в воду глядел» говорит о вере в способность воды показывать будущее.

В то же время близость воды к Хаосу, ее движение по «тому» и «этому» свету делали ее средой обитания злых духов, утопленников («заложных покойников»), чертей, водяных и русалок. Все они вредят человеку, заманивают его в омут, утаскивают на дно и т. д. В обращении с водной стихией требовалась особая осторожность, что проявилось в заговорах, заклинаниях, обрядах очищения и освящения воды. Люди избегали купаться или даже просто ходить к источнику в ночное время либо после Ильина дня (из-за поверья, что черти возвращаются в воду после длительного отсутствия). Русалки и водяные якобы практиковали выходы из воды после Крещения и пребывали на деревьях и растениях, а затем возвращались в дом родной – воду.

В целом все четыре главные стихии присутствовали в жизни древнерусских язычников постоянно. С ними надо было уметь ладить, изучить их повадки и возможности, чтобы сосуществовать безопасно и в настоящем, и в будущем.

Языческий пантеон

Как мы видели, весь мир древнерусских язычников предстал в их глазах единым, постоянно меняющимся и колеблющимся смешением различных богов, чистых и нечистых сил. Буквально каждый элемент этого мира имел своего маленького или большого антропоморфного представителя, с которым приходилось либо мириться, либо каким-то образом избавляться от него, либо покупать его расположение многочисленными жертвоприношениями. Но эта масса божеств имела свою иерархию, соподчиненность и зависимость, которую отразил пантеон богов. Причем народный пантеон отнюдь не полностью совпадал с государственным пантеоном, созданным, согласно летописи Нестора, князем Владимиром.

Как известно из летописи, в 980 году, то есть за восемь лет до введения христианства, великий князь Владимир Святославич создал пантеон языческих богов в Киеве: «...постави кумиры на холму вне двора теремного. Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса Дажьбога и Стрибога и Симаргла и Мокошь, жряху им наричюще я боги...»³⁴ Далее летописец-христианин называет этих языческих богов «бесами», что не меняет сути дела – пантеон действительно существовал, но, возможно, включал не только перечисленных «бесов», но и других. Если соотносить названных божеств с первостихиями, то становится ясным, что Перун и должен был числиться верховным божеством, что Мокошь, символизирующая мать сыру землю, обязательно должна была входить в пантеон, что бог ветра – Стрибог – не мог не быть причисленным к главным божествам, так же как и бог солнца Дажьбог. Что же касается Хорса и Симаргла, то с ними вопрос сложнее. Вполне возможно, что они попали в пантеон летописца Нестора случайно: ведь писал летописец в начале XII столетия, и сведения, донесенные устной традицией в течение примерно 130 лет, могли невольно исказиться. Кроме того, бог Хорс сродни Дажьбогу, оба связаны с солнцем, а значит, они могли дублировать друг друга.

Откуда же тогда взялся Хорс, имя которого имеет иранское происхождение? Хорс упоминается в русских апокрифах («Хождение Богородицы по мукам», «Беседа трех святителей»), в полемической церковной литературе, в «Слове о полку Игореве». Как предполагают исследователи, в частности В. Н. Топоров, присутствие Хорса в пантеоне языческих богов объясняется близостью иудейской Хазарии к Киеву и наличием ираноязычного населения в столице Киевской Руси. На мой взгляд, слова «Хорс» и «Дажьбог» могли быть просто синонимами. Возможно, что эти божества поставлены в тексте Нестора один за другим не случайно, а именно с целью пояснить для одних, что Дажьбог – это тот же бог, что и Хорс для других.

А вот Симаргл, имеющий также иранское происхождение и широко известный в Персии, попал в пантеон каким-то невообразимым путем. В славянских сказках Симарглом называли сказочную птицу или полуптицу-полусобаку, но более нигде этот персонаж в славянских источниках не отразился. Загадка появления Симаргла в пантеоне князя Владимира (вернее, в его интерпретации летописцем Нестором) остается по-прежнему нераскрытой.

Согласно свидетельству летописи, Перун как верховное божество наделен был серебряной головой и золотыми усами. Будучи богом грозы, молнии и небесного поражающего огня, он превосходил по своей мощи все остальные божества языческого мира. Он легко мог убить человека молнией, что отразила поговорка «Чтоб тебя Перун убил». Молнию называли «громовой стрелой» Перуна, а в ряде славянских диалектов удар совершала не молния, а каменная стрела (белемнит, окаменелость, называемая «перуновой стрелой»). Но с богом грозы связана не только смерть, но и жизнь, так как от него зависело наслать грозовые облака и оплодотворить землю дождем, несущим урожай.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 79.

Сохранились отголоски мифа о Перуне, в котором он сражался со змеевидным врагом (по мнению В. В. Иванова и В. Н. Топорова, в первоначальном варианте – с Волосом-Велесом, а в позднейших переработках – со сказочным Змиуланом)³⁵. Враг прячется от Перуна, превращаясь в дерево, камень, человека, животных, воду. Победа Перуна освобождает небесные воды (либо скот, либо женщину с именами Додола, Марена, Мокошь), и проливается оплодотворяющий дождь. С этим мифом связан также и славянский ритуал вызывания дождя, сопровождающийся множеством табуистических и звукоподражательных вариаций типа «пеперуда, перперуга, преперуда, прпоруша, додола» и т. п. «Пеперуд» для ритуала вызывания дождя выбирали из незамужних девиц, которых обозначали как дочерей Перуна, призывающих небесного отца на помощь.

Грозовые облака язычники сравнивали со стадом белых коров, дающих «небесное молоко», кормящее посевы, поэтому утверждалось, что пожар от молнии можно потушить не водой, а только молоком или сывороткой.

Идолы Перуна ставились на возвышенности, поближе к небу. Если не было идолов, то Перуна олицетворял мощный дуб, возле которого совершались ритуалы. Днем поклонения Перуну считался четверг, о чем свидетельствует сохранившаяся до наших дней народная поговорка «После дождичка в четверг».

Связь Перуна с военной силой, князем и его дружиной обнаруживается за 70 с лишним лет до принятия христианства, когда в 911 году великий князь Олег вместе со своими воинами в договоре с византийцами в Константинополе клялся Перуном, а остальные русские – купцы и ремесленники – при подписании договора клялись не Перуном, а Велесом, «скотыим богом». Как свидетельствуют византийские хроники и Лаврентьевская летопись, Перун безусловно считался покровителем воинства: «кляшася оружием своим и Перуном богом своим». В «Повести временных лет» описано поклонение Перуну князя Игоря в 945 году: «Заутра призва Игорь послы, и приде на холм, где стояще Перун, и покладаша оружие свое и щит, и золото, и ходи Игорь роте (принес клятву. – Л. Ч.) и люди его...»³⁶ Неудивительно поэтому, что именно Перун возглавлял пантеон богов.

Как известно, после принятия новой, христианской веры и крещения в Корсуни князь Владимир прибыл в Киев и повелел «кумиры испровреши, овы сечи, а другие огневи предати. Перуна же повеле привязати коневу ко хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручеи». Затем Перун поплыл по Днепру, и 12 человек по поручению князя отталкивали его от берега во время прохождения порогов, чтобы его не прибило к берегу и язычники не начали ему снова поклоняться: ведь, по свидетельству летописца, «плакахуся его невернии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья»³⁷. Но в Новгородской летописи мы встречаем намеренное принижение значимости Перуна в мировоззрении язычников: «Иде на реку... сице Перун приплы к берегу, и отрину и шестом: ты, рече... досыти еси пил и ял, а ныне поплочи прочь. И плы со света в окромешное...»³⁸ На самом же деле язычники, только что обращенные в христиан, скорее всего, должны были по-прежнему почтительно и со страхом относиться к свергнутым идолам.

Дажьбог, или Дажьбог, аналог иранского Хорса, солнечное божество, наделяющее людей богатством. Об этом божестве мало что известно. Самый однозначный поясняющий текст о Дажьбоге содержится во вставке в славянский перевод греческой «Хроники Иоанна Малалы» под 1144 годом, где говорится: «... царствова сын его именем Солнце, его ж наричют Дажьбог». Там же указывается, что Дажьбог – сын бога огня Сварога, то есть «Сварожич». Тема богатства, заложенная в самом имени Дажьбога (переводимого как «Дай бог»), дважды

³⁵ См. подробнее: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 32, 54.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 116–117.

³⁸ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. 65.

проходит в «Слове о полку Игореве», где воины князя Игоря и он сам названы «Дажьбожими внуками».

Следующим в пантеоне князя Владимира 980 года назван Стрибог – бог ветра. Он тесно связан с громовержцем Перуном и Солнцем-Дажьбогом. В «Слове о полку Игореве» ветры названы «Стрибожьими внуками». В русских языческих представлениях были четыре основных ветра – в соответствии с четырьмя сторонами света.

Единственное божество женского рода – Мокошь, воплощавшая «мать сыру землю» – ценилось и почиталось едва ли не наравне с самим Перуном, женой которого она часто воспринималась в сознании язычников. Правда, после принятия христианства Мокошь часто отделялась от матери-земли и воспринималась как существо, связанное с водной стихией, сыростью, мокротой, низиной, болотом, темнотой. Тогда она приобретала негативные характеристики. Так, нельзя было оставлять кудель на ночь, потому что «Мокоша опрядет». Связь Мокоши с куделью, пряжей была, по-видимому, очень сильной, что следует из того факта, что в день Мокоши – пятницу – русские женщины бросали в колодцы именно пряжу и кудель. На Русском Севере устойчивым было представление об антропоморфном образе Мокоши в виде женщины с большой головой и длинными руками, прядущей по ночам.

Рассуждая о причинах неполного набора божеств в пантеоне князя Владимира, в частности об отсутствии в нем бога огня Сварога и скотьего бога Велеса, ученые не приходят к однозначному выводу. Сварог, скорее всего, оказался «лишним» рядом с Дажьбогом, знаменующим солнечный огонь. Сложнее ситуация с Велесом. Как уже упоминалось, Велес был крайне популярен у русичей, так что в договоре Руси с греками 911 года купцы скрепляли свою клятву именно его именем, а не именем Перуна, как князь Олег с дружиной. Возможно, что связь Волоса с низовой хозяйственной жизнью, со скотоводством прежде всего, делала его не особенно значимым божеством лично для князя, создававшего пантеон для себя и дружины, а не для всех жителей Киева. Кроме того, Велес, по мнению В. Н. Топорова, был тесно связан с первоземем, а также со змеями как охранителями скота. Идол Велеса в Киеве, возможно, тоже имелся: он упоминался в пространной редакции Жития князя Владимира. Велес много значил для простого народа, и после принятия христианства его функции перешли к Николаю-угоднику, о чем свидетельствуют многочисленные исторические факты, собранные в книге Б. А. Успенского³⁹.

Как бы там ни было, но пантеон языческих божеств князя Владимира явно был неполным. Да и трудно себе представить, чтобы множество самых разных чистых и нечистых сил, окружавших язычников со всех сторон, на всех уровнях, во всех ситуациях и моментах бытия, можно было бы в одночасье организовать и выстроить по иерархической лестнице. Достаточно уже и того, что Перун был явно выделен из массы богов и поставлен над всеми как верховное божество. Скорее всего, правы те исследователи, которые видят в создании пантеона ограниченного числа богов не что иное, как проявление тенденции к монотеизму, единобожию, пример которого был уже сравнительно давно перед глазами княжеской семьи после принятия христианства княгиней Ольгой, частью варяжской дружины, русскими купцами, торговавшими в Константинополе, а также некоторыми жителями Киева.

Исторические источники свидетельствуют о существовании целого ряда богов и божков, не вошедших в пантеон князя Владимира, но от этого не утративших своего значения в народных верованиях. Самый древний в мире деревянный идол – Шигирский, обнаруженный в 1890 году на Среднем Урале и датированный 9 тысячелетием до н. э., – представлял собой символическое изображение мира: на теле идола обнаружены семь личин (три спереди, четыре сзади), олицетворявшие, по мнению специалистов, четыре стихии, мужское и женское начала.

³⁹ См.: Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей.

Конечно, толкование столь поврежденных и условных изображений крайне затруднительно, но предположить подобную интерпретацию вполне закономерно.

Знаменитый Збручский идол, датируемый X–XI веками н. э., имеет три яруса изображений, соответствующих небу, земле и подземному миру: в верхнем ярусе показаны две мужские и две женские фигуры (одна из них держит в руке рог); в среднем ярусе помещены четыре фигуры с разведенными в стороны руками; в нижнем ярусе даны схематичные мужские фигуры. Среди изображений можно увидеть солярные знаки, зооморфные фигуры, оружие.

Арабский автор X века ал-Масуди описывал славянского идола в виде старика, извлекающего своим посохом мертвецов из могил; под ногами старца изображены были вороны и другие птицы черного оперения, а также муравьи. Идол как связующее звено между «этим» и «тем» светом не получил определенного имени; возможно, это был Род, который, судя по всему, имел немалое значение в народном сознании в дохристианскую эпоху.

А сколько было мелких, но значимых божков, божат, боженят и всякой нечисти, демонических и мифических существ, от которых в той или иной степени зависела повседневная жизнь людей?! Вот только несколько примеров. «Гром да дождь, все божата загуляли, видно, бога дома нет» – так говорили в Архангельском крае. «Об этом знают только бог да маленькие боженята», – утверждали в Новгородской земле. Даже пятна на Луне могли ассоциироваться с божками: «Брат брату голову рубит, два бога это, братья, а поругались»⁴⁰.

Есть боги, назначение которых крайне трудно выяснить. К таковым относится Переплут: «И словенский язык (поклоняется. – Л. Ч.) вилам и мокошьи, диве... упирем и берегнем, и Переплуту, иже вертячеся пият ему в розех (из рогов. – Л. Ч.)»⁴¹. Некоторые исследователи склонны видеть в Переплуте божество, покровительствующее мореходам, но это признается далеко не всеми учеными; многие предпочитают видеть в Переплуте подобие античного бога виноделия Диониса. Вторая версия, скорее всего, верна, так как в поучениях против язычества Переплут упоминался в контексте «фивейского безумного пьянства»⁴².

Божество под именем Ярила (Ярило) фиксируется в русских источниках поздно – только в XVIII столетии. Сегодняшние неязычники считают его едва ли не главным солнечным божеством, но ученые предполагают, что он был связан более всего с весенним плодородием, поскольку имя его происходит от корня «яр» и соотносится с такими словами, как яровой и ярый. Существовала поговорка «На Ярилу земля ярится!». В XVIII–XIX веках в ряде русских губерний устраивались весенние оргии и ритуальные бесчинства, главным действующим лицом которых был ряженный старик, хоронивший куклу Ярило. Это были потешные похороны Ярило, приуроченные к Ивану Купале или другим ближайшим праздникам. Так что скорее правы те исследователи, которые считают Ярило божеством плодородия, не связанным напрямую с балтийско-славянским Яровитом (богом войны), как предполагали некоторые исследователи в XIX столетии. Ярилу изображали с подчеркнутым фаллосом. Во время гуляний часто изготавливали ему пару – Ярилиху, а по окончании празднеств их разбивали и выбрасывали в реку. Любые весенние гулянья молодежи иногда назывались «ярилками», так же как русальную неделю могли называть «Ярилиной».

Встречаются в древнерусских источниках и упоминания об античных богах, которым, скорее всего, в массе своей славяне не поклонялись, но какую-то информацию о них имели и могли в случае надобности обратиться и к ним. В частности, часто упоминался Аполлон, иногда назывались бог Дий (Дый, Диан), иногда Троян, Парис, богини Афина, Диана, Афродита. Античных героев, титанов, родившихся от союза бессмертных богов со смертными людьми, называли на Руси «полубожницами».

⁴⁰ Славянские древности. Т. 5. С. 465.

⁴¹ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. СПб., 1897. С. 233.

⁴² Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2. С. 23.

Возможно, существовал еще ряд богов и божков, имена которых стерлись из памяти народа: ведь славяне поклонялись буквально всем силам природы, всем природным объектам, всему, от чего зависела их жизнь. Мы, например, не знаем, каким божественным именем называлась река, но зато знаем, что рыбаки приносили жертву своему неводу, считая реку богиней.

Жертвоприношения богам считалось обязательным. В основном в жертву приносились птицы, в особенности петухи, а также животные. Но в самых опасных и значимых ситуациях славяне прибегали к человеческим жертвоприношениям. Осталось множество свидетельств западноевропейских хронистов (Длугоша, Титмара, Гельмгольда), утверждавших, что жертвоприношение на могиле умершего мужа принадлежавших ему жен носило массовый характер. Арабские авторы (Ибн Русте, Исхакан Ибн-ал-Хусаин, Ибн Фадлан) и византийский писатель VI века Псевдо-Кесарий упоминали о случаях ритуального убийства младенцев у славянских народов. О жертвоприношении языческим богам сообщал в «Повести временных лет» под 983 годом Нестор. Сообщал, естественно, с осуждением, поскольку речь шла о человеческих жертвоприношениях по жребию: «Мечем жребии на отрока и девицу. На него же падеть, того зарежем богам»⁴³.

В противовес чистой силе добрых богов существовала и нечистая сила, наименование которой говорит само за себя. Все, кого включали в «пантеон» нечисти, обладали столь мощным воздействием на повседневную жизнь человека, что игнорировать их ни в коем случае было нельзя. Их уважали и задабривали порой больше или, по крайней мере, наравне с «чистой силой». Нечистую силу представляли явившиеся с того света покойники, умершие какой-то неправильной смертью (самоубийцы, утопленники), демоны, ставшие хозяевами опасных «чужих» пространств для людей (водяные, лешие и др.), русалки (девушки, умершие до вступления в брак), кикиморы и многие другие. Они контролировали буквально каждый шаг живых людей, часто мстили за свои обиды. Те же русалки могли защекотать человека до смерти. Нечистая сила «жила» на «пространственных границах» и появлялась в определенное временное пограничье (с полуночи до первых петухов, в полдень, после заката). Она доказывала всеединство «этого» и «того» света, как бы легко перемещаясь туда и обратно, оборачиваясь то одним, то другим существом. Невидимую обычным глазом нечистую силу узнавали по звукам (хохоту, плачу, свисту, вою, стуку, стону), а если нечистая сила оборачивалась человеком или животным, то по ущербности и уродливости телесной формы (хромоте, наличию копыт, отсутствию отдельных частей тела, лохматости и пр.).

Все, что могло нанести вред человеку, его дому, работе, – все связывалось с воздействием нечистой силы. Так, например, эпидемия, охватившая в 1092 году город Полоцк, была описана в летописи как нашествие «нави» – мертвецов-врагов в образах упырей, вампиров и прочего: «... аще кто вылезяше ис хоромины, хотя видети, абие уязвень будяше невидимо от бесов язвою и с того умираху. И не смяху излазити ис хором. Посемь же начаша в дне являтися на коних и не бе их видети самех, но конь их видети копыта. И тако уязвляху люди Полотьскыя и его область. Тем и человеци глаголаху, яко навие биют полочаны»⁴⁴. «Навь» («навье») появлялись обычно весной, исходя из гробов. В «Слове Григория Богослова о язычестве» особо оговаривается поклонение богу Сварогу и «нави»: «И огневи Сварожицю молятся и навьем мовь творят...»⁴⁵

Вся и всяческая нечисть населяла двор и дом человека; он вынужден был с ними ладить, чтобы они не навредили ему. Так, например, кикимору (шишимору) считали женой домового или лешего, бывшей русалкой или полудницей, живущей исключительно внутри дома. Она не могла выходить на улицу. Ее представляли в виде маленькой безобразной скрюченной ста-

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 82.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 214–215.

⁴⁵ Летописи русской литературы и древности. Т. 4. М., 1862. С. 233.

рушки, одетой в лохмотья. Такой, якобы сидящей на печи и прядущей пряжу, ее изображали во время колядования.

После принятия христианства нечистую силу стали ассоциировать с чертями, бесами. Русские люди стремились «заклучить мир» с нечистью, чтобы получить от них что-то значимое для себя. Колдовские процессы в России XVII–XVIII столетий полны свидетельств о том, что чертей «имели в услужении» у себя колдуны и ведьмы. Так, упоминаются «15 дьяволов», «7 бесов», «33 беса и 3 дьявола», «целая сотня чертей», готовых исполнить приказы своих повелителей по призыву: «Отец Сатана, черен бес вечерен, еще у тебя есть светлой бес утренней; пошли, отец Сатана, этих бесей...»⁴⁶ Особенно часто призывали чертей на помощь в любовной магии, пытаясь приворожить кого-либо или отворожить.

В «Повести временных лет» неоднократно упоминаются «волхвы», под которыми подразумевались первоначально жрецы и оракулы, а позднее колдуны, чародеи и знахари. Всем известна история с Вещим Олегом, поверившим словам волхва о том, что он умрет от коня своего. Также многие знают о «восстании волхвов» во время голода в Суздале в 1024 году, когда «избиваху старую чадь, яко си держать гобино (богатство. – Л. Ч.); бе мятеж велик и голод по всеи тои стране, идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша [жито] и тако ожиша». Тогда князь Ярослав, услышав про это, «приде Суздалю, изимав волхвы, расточи...». Под 1044 годом Нестор рассказывает о князе Всеславе, якобы «родившемся от волхования». А под 1071 годом помещен рассказ о том, что в Киев пришел некий волхв и заявил, что через пять лет река Днепр потечет вспять, а земли переместятся: русская земля будет там, где греческая, а греческая – там, где ныне русская. Как замечает автор летописи, «и его же невегласи послушаху...». Под тем же годом помещена история с неким волхвом, который пришел в Новгород и заявил, что сможет перейти реку Волхов по воде, как по земле, и тем самым вызвал «мятеж во граде, и вси яша ему веру». Чтобы прекратить мятеж, князь Глеб пришел к волхву с топором и попросту зарубил его⁴⁷. А в 1091 году якобы волхв появился в Ростове Великом, но вскоре погиб.

В христианские времена отношение к волхвам, колдунам, чародеям диктовалось той же логикой, что и отношение к нечистой силе, – их боялись, но уважали, в глаза почитали, за глаза проклинали, их магическую силу пытались использовать в своих интересах. Колдуны делились на три категории: просто «знающие», то есть получившие какое-то тайное знание и потому связанные с колдовством (к таковым относились кузнецы, мельники, музыканты и другие владеющие ремеслом «деляры»-умельцы); вторую группу, наиболее массовую, составляли колдуны как таковые, владеющие магией и исцелением от болезней, их также называли «обавниками»; в третью и самую малочисленную группу входили «чернокнижники», «суперколдуны», овладевшие наивысшей наукой колдовства. По легенде, эту науку чернокнижники якобы получили из черной книги, хранящейся на морском дне, под камнем Алатырем. Когда-то один из колдунов сумел достать черную книгу со дна морского, и она пошла гулять по свету. По другой версии, черную магию изобрел черт, сделав в черной книге вместо букв наколотые точки. Колдуны «читают» черную книгу, вертя ее на своей голове, либо вода особыми ключами по строкам. Если простому человеку удавалось прочесть черную книгу, то он мог сойти с ума или его могли одолеть черти, требующие от него заданий и работы. Колдуны передают свои знания по наследству, в том числе и черную книгу. Если же они не сделают этого перед смертью, то превратятся в «заложных покойников» и будут приходить в свой дом, требуя книгу. Сила чернокнижников очень велика, они могут спасти людей от любых, даже самых страшных болезней, могут прогнать грозу и градовые тучи, но с тем же успехом могут и наслать болезни вместе с грозой и градом.

⁴⁶ Смелянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. М., 2003. С. 98–99.

⁴⁷ ПСРЛ. Т.1. Стб. 147–148, 155, 174, 180–181, 214.

Обычные колдуны чаще всего связывались с чародейством с помощью трав. Как говорилось в одном деле 1505 года, «...исходят обавници, мужи и жены чаровници, по лугам и по болотам, ищущие смертныя травы»⁴⁸. Им приписывалась также власть над змеями: «Собра обоянник волшебствованием своим и обоянием своим вся живущая змея»⁴⁹. Люди часто не доверяли врачам, а обращались в случае заболевания к чародеям и обавникам. Многие получали от обавников-колдунов «обаяния» – заговоренные предметы или снадобья, которые носили на себе в качестве амулетов.

Стремление распознать в ком-то колдуна было постоянным. Колдун имеет глаза без зрачков, либо в глазах все отражается вверх ногами, у него нестриженные ногти, лохматая голова. Также их распознавали с помощью чеснока, гороха, но не простого, а проросшего через голову убитой змеи.

Защита от колдунов включала в себя магические предметы, которые следовало оставлять во дворе, чтобы колдун не смог их преодолеть. Например, можно было сделать борону из осинового дерева или разбросать по двору коноплю и тем самым преградить ему путь.

Чтобы лишить колдунов их силы, требовалось протащить подозреваемого через лошадиный хомут, выступавший в этом случае в качестве магического круга. Чтобы после смерти колдун не вредил людям, его хоронили лицом вниз, а в могилу вбивали осиновый кол. Колдовские процессы говорят о том, что вера в колдунов и ведьм была настолько сильна в народе, что при Петре Великом в «Воинском артикуле» и «Морском уставе» специально оговаривалось, что колдуны наравне с отравителями и богохульниками караются смертной казнью через сожжение.

Под стать волхвам-колдунам были ведьмы – по сути, колдуны женского пола, сочетавшие в себе как реальные женские черты, так и сверхъестественные.

Ведьмы как бы имели два тела, две сущности. Ведьм распознавали по сросшимся бровям, хмурому взгляду, направленному в сторону или в землю, по одежде красного цвета (ведьмы якобы любят всё красное). Они скрывают от людей свои отличительные признаки: небольшой хвостик, рожки, два ряда зубов вместо одного, усы. Однако их можно опознать либо по воспаленным глазам, в которых мир отражается перевернутым, по дикому взгляду, либо по растрепанным волосам, крючковатому носу, костлявым рукам, горбатости, хромоте и тому подобным отклонениям. Дом ведьмы отличается от обычных домов: дым из трубы идет против ветра или сильно клубится. Увидеть ведьм воочию можно только в пограничное время (дни и ночи крупных праздников, в новолуние, полнолуние), а увидев, следовало поскорее убежать, иначе ведьма догонит и убьет.

Женским колдовством управляют бесы, о чем сообщалось в «Повести временных лет» под 1071 годом: «Паче же женами бесовская волшвеня бывают... волхвуют жены чародейством, и отравою, и иными бесовскими козньми»⁵⁰. Муж, узнавший о колдовстве своей жены, мог «казнить» ее и заплатить за это штраф в размере 6 гривен: «Аще жена зелеиница, чародеица, наузница, волхва, а муж доличиться, ее казнит...»⁵¹

Ведьмы опасны более всего тем, что умеют оборачиваться животными (свиньей, кошкой, собакой, коровой, лаской, овцой, зайцем, волком и др.), насекомыми (мухами, мотыльками, бабочками), любыми предметами, но чаще всего стогом сена, клубком ниток, решетом, палкой, кустом, корзиной. Пограничное время (особенно ночь на Ивана Купалу) – время шабаша ведьм, когда они особенно интенсивно пакостят людям. Самые распространенные злодеяния ведьм – порча скота, отбирание молока у коров, кража урожая с полей. Последнее действие

⁴⁸ Дополнения к актам историческим. Т. 1. СПб., 1846. С. 18.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. С. 208.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 180.

⁵¹ Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214–1219 г.) / Изд. М. А. Оболенский. М., 1851. С. 43.

подробно описывается в костромских источниках: в ночь на Ивана Купалу ведьма выстригает полосу – «пережин» в чужом поле, причем делает это двигаясь вверх ногами; затем она вешает пучки колосьев в своем амбаре, а когда соседи собирают свой урожай, ведьма просто открывает дверь в амбар и чужое зерно льется рекой в ее закрома. Поэтому в купальские обряды вошло «изгнание ведьмы», которую в образе чучела сжигали на костре либо раздирали на части и бросали в воду.

Портить людей и скот ведьма может не только в пограничное, но и в любое другое время. Ей ничего не стоит наслать болезнь, сглазить молодоженов во время свадьбы, напугать человека до смерти, расстроить чей-то брак, внести раздоры в семейные отношения, похитить младенца у матери. Чаще всего ведьмы используют след человека, которому хотят навредить, но могут действовать и другими способами (выливать наговоренную воду на дорогу, подбрасывать вредоносные предметы, насылать насекомых и грызунов на поля и т. д.).

Справиться с ведьмами пытались, преградив им путь на пространственных границах. Прежде всего, прибегали к оберегам: втыкали в свои ворота метлы или зубья от бороны, острые концы которых должны были остановить ведьму. В двери дома и хлева втыкали крапиву, осиновые ветки, колючие растения. Порог защищали, положив на него режущие предметы (нож, топор, косу). Другим распространенным средством считалось проведение магического круга вокруг дома, хлева, амбара. Подобные круги делали косою, обсыпали магическую черту маком, очерчивали мелом.

Защитив от ведьм «свое» пространство, люди старались защитить и свое тело, особенно при выходе из дома. Они носили при себе иголки, воткнув их в одежду; или носили при себе полынь. А чтобы защитить скот, его либо не выпускали в опасное время со двора, либо вешали на рога обереги, смазывали отгонными средствами (медвежьим салом, жабым жиром), в крайнем случае просто привязывали к рогам или копытам красные нити. Чтобы опознать корову, принадлежащую ведьме, нужно перетянуть красной нитку дорогу, по которой скот идет на пастбище, тогда ведьмина корова повернет назад, не сможет преодолеть это препятствие.

Для обнаружения ведьм проводили так называемые «испытания» водой или огнем. В первом случае связанную женщину бросали в воду, если она тонула, значит, нет в ней ведьмарства, если не тонула – значит, ведьма. На Владимирщине, чтобы выявить ведьм, заставляли всех женщин села пройти через живой огонь: ту, которая отказывалась, объявляли ведьмой.

Языческие верования включали в себя веру в самые разные явления: «И мнози человеци неразумьем веруют в сон, и в встречу, и в полаз, и в птичий грай, и загадки загадывают»⁵². В Средневековье существовали специальные гадательные книги: «Волховник» как бы обобщал все виды гаданий, «Куроглашенник» – книга гаданий по петушиному крику, «Ухозвон» – по звону в ушах, «Громовник» – по грому, «Окомиг» – по миганию глаз, «Воронограй» – по крику птиц, «Сонник» – по снам. Гадание по приметам и встречам с кем-то или с чем-то обозначалось словом «кобь» и приравнивалось к ереси: «Злые ереси... коби бесовские». Античную богиню судьбы (Фортуны или Тихе) на Руси именовали «кобь римская». Чрево вещание также приравнивалось к колдовству, называлось оно «локание» и преследовалось битьем камнями до смерти.

В Требнике XVI века перечислялись прегрешения, за которые накладывалась епитимья: «Согреших в волховании, и в кобении, и в плясании, и во всех играх бесовских»⁵³. Особенно православная церковь осуждала нанесение ножом порезов на своем теле во время исполнения языческих обрядов: «Краючеся ножи до крове и исполняют капища кровью...»⁵⁴

⁵² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1842. С. 125.

⁵³ Требник // Рукописи Библиотеки Академии наук. № 72. Л. 54 об.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. С. 21.

Чародеями, «балиями», называли тех, кто «бесов призыванием заклиняет... и наговоры творит»⁵⁵. При ворожении использовали самые разные предметы: кости, монеты, внутренности животных и птиц и многое другое. Многие церковные поучения призывали русский народ не обращаться к волхвам, не «смотреть кобования и не вопрошати мертвых вохвований»⁵⁶. «Мечетники» – ясновидцы, предсказатели, чародеи и кудесники – объявлялись колдунами, насылающими «мечты» – наваждения и «забобоны» – суеверия. Автор «Домостроя» в XVI веке умолял своих читателей не призывать к себе всех перечисленных выше «мечетников всяких» и не поддаваться их чарам.

Одним из мощнейших средств «обороны» от злых сил были обереги. Археологи находят множество разнообразных оберегов: медвежьи клыки, изготовленные из бронзы и датированные X веком, топоры (большое число их найдено в Смоленской и Брянской областях), лунницы – ширококорые, узкогорлые, круторые, вставленные в круг в прорезной подвеске, привески в виде круга, внутри которого некое зооморфное существо: две птицы, головка быка с рогами, две скрученные змеи, ключи, костяная ложечка и многое другое.

Язычники считали, что постоянно живут рядом с нечистой силой, которую надо либо отогнать, либо «перетянуть на свою сторону», сделать своим союзником и помощником. В этом смысле летописное выражение, что славяне «поклонялись упырям и берегням», соответствует действительности, потому что народные рецепты взаимоотношений с нечистой силой включали задабривание, жертвоприношение и поклонение. Как указывалось в Псковской летописи под 1570 годом, «русские люди прелестни и падки на волхование»⁵⁷. Народный пантеон языческих божеств резко отличался от описанного монахом Нестором официального пантеона князя Владимира.

Для поклонения языческим богам не нужно было строить особые сооружения типа христианских храмов. Культовые места располагались где угодно – таковыми были природные урочища, рощи, деревья, камни (особенно камни-следовики), источники. В культовых местах молили обо всем на свете – о дожде, о приплоде скота, о здоровье, урожае и о многом другом. Люди оставляли в этих местах свои жертвоприношения (обетные ткани, деньги), а уносили щепки, кору, камешки, воск, воду. В этих местах искали клады. О них слагали легенды, в которых появлялись мифологические персонажи, священные предметы, происходило исцеление от болезней. Эти места до сих пор помечены христианскими крестами, которые, вопреки всему, подчеркивают вторичность христианства по отношению к язычеству.

⁵⁵ Алфавит // Рукописи Библиотеки Академии наук. № 33. 9. 1. Л. 104 об.

⁵⁶ Русский Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. С. 85.

⁵⁷ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 262.

Человек

Какое же место в этом сложном, насыщенном самыми разными божествами и силами мире отводилось простому смертному? Что он мог противопоставить этим силам, чтобы защитить себя, обезопасить, улучшить свою жизнь? Оказывается, очень многое.

Человек попадал в ряд «микрокосмов», куда входили любые объекты живой и неживой природы, как бы копировавшие «макрокосм» – мир в уменьшенном многократно размере, но совпадающие с ним по своим основным функциям и характеристикам. При этом совершенно закономерно люди наделяли окружающие их предметы антропоморфными чертами, считая их себе подобными организмами. Показательно в этом смысле наделение мирового древа и дерева как такового вообще человеческими чертами.

Дерево имеет главу (крону), тулово (ствол), руки (ветви) и ноги (корни). По наблюдениям исследователей, в русском фольклоре неоднократно уподобления ветвей березы детям в семье или девичьим косам, корня дерева – отцу семейства, листа клена – человеческой ладони с пятью пальцами. Вся жизнь человека могла описываться как жизнь дерева: рождение соотносилось с посадкой дерева, младенчество и юность – с ростом, деторождение – с плодоношением, болезнь – с усыханием дерева. Чаще всего больной человек напоминал «гнилое дерево», покойник – «сухое дерево», женщина, не имеющая детей, – «бесплодное дерево». Если гибли деревья, то язычники считали это приметой близкой смерти: когда деревья вырывали с корнем, это означало, что умрут старики, а когда гибли молодые деревья, – что умрут молодые люди. Получается, что в сознании древних славян человек и дерево как бы взаимозаменяемы. Мировое древо было в чем-то сродни первочеловеку, оно стало своеобразным телесным скелетом-структурой, удерживающим мир в рамках телесной формы. Простые земные деревья уподоблялись и перводереву, а через него и первочеловеку, а также человеку вообще.

Взаимозаменяемость человека как микрокосма с любым другим человеком или животным, птицей, растением, предметом, природным явлением, вещью обусловила веру в оборотничество. Человек мог обернуться, то есть превратиться, во что угодно по своей или чужой воле, колдовству, сглазу, насланной порче, заговору или проклятию. Также и покойники, духи, черти, колдуны, ведьмы и мифические существа могли являться в виде разнообразных оборотней. Былины и сказки наполнены персонажами, легко изменяющими свое тело и вид. Так, в былинах о Волхе Всеславьевиче он предстает мастером оборотничества, легко трансформируясь то в серого волка, то в сокола, то в «мурашку». В волшебных сказках не только мифические персонажи, но и простые люди способны и обучены искусству превращения-оборотничества. Самым популярным оборотнем в русском фольклоре был волколак, то есть человек, становящийся волком. Существовали типологические ряды превращений, предпочитаемые лешими, водяными, ведьмами и другой нечистой силой. Лешие, например, любили оборачиваться пнем, болотной кочкой, белым мхом, грибом, старой елью. Водяные предпочитали для своего превращения водоплавающих птиц и рыб. Ведьмы превращались чаще всего в птиц, коров, свиней, кошек, собак, жаб, лягушек и змей, в колеса от телеги, клубок ниток, веретено, иголку, стог сена. Причем ведьмы считались самыми искусными оборотнями, потому что могли до двенадцати раз в минуту поменять свой внешний вид, а затем снова становились обычными женщинами.

Особенно распространенным временем и местом для оборотничества у русских считалась свадьба, во время которой на невесту, жениха, гостей насылалась порча – мужчины становились волками, женщины сороками, невеста кукушкой⁵⁸. Также очень популярным был сюжет о змее-искусителе, принимающем облик красавца, соблазняющего женщин.

⁵⁸ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. С. 551.

Большой «оборотнической» силой обладали границы, в особенности временные. Общеизвестно, что именно в полнолуние совершался переход людей, часто против своей воли, в шкуры волков, медведей и других животных. Имелся и перечень способов, с помощью которых можно было уже по своей воле перейти в другое состояние. Этот перечень снова отсылает нас к значимости границ в мировосприятии язычников. Они должны были преодолеть какое-то препятствие, совершить переход, удариться о землю, сделать кувырок через голову, многократное вращение вокруг себя и т. п. Часто эти действия дополнялись специальными заклинаниями, восклицаниями, словами.

Невольные оборотни, поменявшие свое обличье по чужой воле, оказывались в самом незавидном положении, так как с большим трудом могли самостоятельно вернуть себе человеческий облик. Достигалось это опять-таки с пересечением какой-либо границы, пространственной или временной. К примеру, невольному оборотню надо было перескочить через плетень, кто-то должен был ударить его сухим прутом или накормить особой едой и пр. Также можно было дожидаться срока окончания проклятия (начиная с девяти дней и до одного года либо трех, семи, девяти, двенадцати лет). Но бывали и очень длительные сроки действия проклятий. Младенец, проклятый своими родителями, мог превратиться в полено и пролежать в колыбели в таком виде до вступления в брак. Любовь другого человека к несчастному оборотню считалась самым действенным способом снятия проклятия. Однако колдуны могли натравить одного созданного ими оборотня на другого, опять-таки созданного ими; последние могли даже уничтожить друг друга.

Сказочное оборотничество, широко известное по русским волшебным сказкам, показывает ту легкость, с которой герои превращаются в самые разные существа и предметы, пытаются догнать друг друга, обмануть, наказать или уничтожить. А эта легкость, в свою очередь, говорит нам о вере язычников во всеединство мира и взаимозаменяемость составляющих его элементов.

В этой ситуации постоянной угрозы потерять свое тело, внешность, голос и все остальное язычники разработали мощнейший комплекс защитных мер. Прежде всего, им надо было оберегать границы своего тела, потому что любое нарушение этих границ вело к утрате цельности человека, а утрата цельности, в свой черед, означала утрату индивидуальности в полном объеме. Так, если человек терял слух, голос, руку, ногу и другие части тела, то все вокруг считали его уже совсем другим человеком, а может быть, и оборотнем. Границы телесной формы как бы очерчивали самого человека, и без них он утрачивал себя самого целиком, и порой безвозвратно. Поэтому мысль о защите своих телесных границ тревожила язычников постоянно. Откуда же взялись все эти границы-отверстия в теле человека, почему он не был создан без них?

В славянской мифологии, раскрывающей историю сотворения человека, перечислялись отверстия в его теле, через которые происходит контакт с «этим» и «тем» светом, с нечистой силой, покойниками и т. д. В «Повести временных лет» содержалось даже указание, что человек был создан волхвами. Ученые считают, что этот тезис восходит к учению богомилов о первочеловеке, в котором рассказывается, что Бог мылся в бане и утерся ветошью, сбросив после этого ее на землю; сатана же захотел из ветоши сделать человека и начал спорить об этом с Богом; в конце концов сатана создал тело человека, а Бог душу. В древнерусской народной традиции был распространен апокриф о сотворении Адама как первочеловека из восьми элементов: тело из земли (глины), кости из камней, кровь из морской воды, мысли из облаков, теплота тела из огня, дыхание из ветра, глаза из солнца, «свет от света». В продолжении этого апокрифа говорится, что когда Бог отошел от тела Адама за глазами, которые надо было взять от Солнца, сатана напакостил человеку и обмазал его тело нечистотами. По возвращении Бог очистил тело Адама, смешал эту грязь со слезами первочеловека и сотворил из этого собаку, велел ей охранять тело Адама. Сам же он отправился за дыханием для сотворенного тела, но

пока он отсутствовал, дьявол палкой наделал в теле отверстия и запустил в него 70 болезней и напастей. В другом апокрифе Адам предстает великаном, после его кончины в его черепе могло уместиться 300 человек, но его гигантские размеры не уберегли его от болезней и контактов с нечистой силой. Конечно, это уже христианское сочинение, но основной посыл и принципы осмысления тела человека еще вполне языческие.

Помимо отверстий, сделанных дьяволом, имелись в теле человека и естественные отверстия: глаза, ноздри, рот, уши, ногти и т. д. Глаза и рот считались самыми значимыми «дырами» в теле человека, так как они были, так сказать, полифункциональны: через рот и глаза нечисть могла проникнуть в человека, но и человек при помощи голоса и взгляда мог повлиять на «этот» и «тот» свет. Уши, нос, ногти и прочие телесные границы человека таким сильным оружием не обладали, они только «впускали» в него «чужаков» разных мастей. Голос человека, кстати, также предстал в виде некоего материального существа, которое можно было «перекрывать» (как в известной русской народной сказке «Волк и семеро козлят»).

Голос широко использовался в обрядах и ритуалах как действующее лицо, наделенное мистической силой, причем действие этой силы распространялось настолько далеко, насколько далеко доносился звук маркируемого, то есть намеренно громкого голоса. Чтобы увеличить площадь воздействия голоса, язычники поднимались на какую-либо возвышенность, поручали исполнение заклинания высоким людям или людям с особенно сильным, неординарным голосом. Громким голосом защищали посевы от тумана и града, пасущийся скот – от нападения зверей, дом – от приближения врагов. Русские обычаи описывают реакцию участников обрядов на изменение голоса того или иного человека. Так, если невеста вдруг охрипнет или потеряет голос во время свадьбы, то это предвещает близкую кончину одного из новобрачных. Такое отношение к утрате голоса объясняется противопоставлением голоса как признака жизни и молчания как символа смерти. Использование голоса в обрядовых песнях строго регламентировалось из-за опасения его воздействия на окружающих. Заговоры, произносимые громким голосом или шепотом, включавшие определенный набор слов и звуков, лучше всего демонстрируют веру древнерусских язычников в силу слова и голоса. Иногда голос считался вместилищем души человека, и если леший заберет голос, то это означает, что он забрал душу, а потому человек начнет слабеть и готовиться к отходу в мир иной.

Нечистая сила, по поверьям язычников, не обладала членораздельной речью, поэтому водяной, например, способен хохотать, ухать; русалки – издавать звуки типа «Уу-гу» или петь, полевой демон свистит и поет, леший также поет без слов, банник бормочет страшным голосом или храпит, домовый говорит глухим голосом, кикимора пищит и визжит и т. п.

Голос – это одна из ниточек, связывающих «этот» и «тот» свет. Услышав голос с того света, человек как бы получает сигнал о скорой смерти его самого или кого-то из его близких. Леший может «окликнуть» человека и увести на «тот» свет, поэтому не следует реагировать на послышавшийся голос и оглядываться. В лесу не надо кричать, а то леший отзовется. Домовой предупреждает о пожаре дома или другом несчастье, плача или издавая жалобные стоны. Если домовый молчит, то это к добру.

Таким образом, голос воспринимался нашими предками как нечто живое, «телесное», наделенное важными функциями и помогающее человеку в его контактах и воздействии на окружающий мир. С голосом тесно связано и имя, которое произносилось вслух. Именами наделялись люди, животные, птицы, растения, болезни, стихии, природные объекты, предметы и явления. Все вокруг воспринималось как некое тело-форма, и потому всему присваивалось имя собственное. В заклинаниях, гаданиях, заговорах, ритуалах надо было использовать эти имена собственные, громко их выкликая. К примеру, широкое распространение получили имена Иван-аист, дуб Александр, гад Яков, лихорадка Трясея, вода Ульяна и т. п.

Примерно те же функции выполнял и взгляд человека, такой же материальный, ове- щественный объект, как и голос. Посылая взгляд на определенный предмет с заданной целью,

человек использовал его с добрыми или злыми намерениями. Взгляд-призыв использовался в магии. Например, если невеста в доме жениха заглядывала в печь (имевшую «выход» в потусторонний мир), то взгляд этот расценивался как призыв нечистой силы, чтобы умертвить родителей жениха (хозяев дома), чтобы молодая жена осталась в доме мужа единственной хозяйкой. Взгляд-запрет, напротив, запирали границы от их нарушения нечистой силой. Так, после похорон надо было заглянуть в печь, чтобы покойник «не вернулся» в дом с того света.

Люди страшно боялись сглаза – порчи, насылаемой через «злой глаз». Сглазить можно было и через слово, даже через завистливую похвалу (эта порча называлась «урок»). Сглаз вызывал болезни, разлад в семье, бесплодие скота, неурожай, смерть. Обладали способностью сглазить люди необычные; считалось, что им два раза завязывали пупок при рождении, дважды начинали грудное вскармливание, поэтому у них была удвоенная сила взгляда и слова. Оценивали таких людей на Руси по черным, блестящим, глубоко посаженным глазам. Правда, сглазить могли и простые люди в «злой час», иногда даже невольно, не желая того. Более всего сглаза опасались люди в пограничном состоянии (беременные, роженицы, молодожены, дети). Люди, которых сглазили, начинали болеть, худеть, усыхать, испытывать головную боль, ломоту, тошноту. Очистить от сглаза могли знахари и колдуны. Но сначала им надо было определить, сглаз ли виновен в болезни человека. Для этого они бросали в воду три, семь или девять угольков, и если они шипели в воде, то человека сглазили, а если нет, то причина болезни была в чем-то ином. Очищение от сглаза происходило через умывание-обтирание, окуривание травами, через символическое «перерождение» (в особенности ребенка) либо символическое уничтожение болезни. Подробнее об этом будет сказано в дальнейшем.

Слух, как уже отмечалось, не обладал воздействием на окружающий мир, а считался только принимающим воздействия этого мира на человека. Из-за этого глухота врожденная считалась показателем испорченности человека, остальные такого человека опасались. А глухота внезапная или наступившая после болезни объяснялась вмешательством нечистой силы, сглазом, порчей, нарушением запретов. По наблюдениям этнографов, жители Владимирской губернии верили, что нельзя поворачиваться спиной к детской колыбели, потому что это вызовет глухоту у ребенка. Русские и украинцы в разных губерниях в XIX веке считали, что тот, кто сидит за столом в шапке, обязательно потеряет слух в наказание за это. Вернуть же утраченный слух можно было, послушав благовест под большим колоколом.

Остальные разрывы-отверстия в теле человека, как бы открывающие его границы для вмешательства внешних факторов, так или иначе охранялись, защищались, восстанавливались после явного нарушения. Все они могли привести к смерти, болезни, другим печальным последствиям. Иногда после нарушения телесных границ «исчезал» прежний человек и «появлялся» совсем другой. Ему часто давали новое имя, заново могли «знакомиться» с ним... Так, например, существовало поверье, что после того как девушка станет женщиной, ее тело изменится до такой степени, что она превратится в новое существо. Ее могли называть уже даже не ее именем, а по имени мужа, «женой такого-то», могли привести в дом ее же родителей «для знакомства».

Мельчайшими отверстиями в теле человека были ногти; ведь под них или из-под них в организм попадали или из организма выходили нечистая сила, болезни, душа умершего человека и пр.

О душе и взглядах на нее древнерусских язычников необходимо сказать отдельно и обстоятельно. Немецкий психолог В. Вунд предложил выделить особое понятие, характеризующее восприятие души на ранних стадиях развития человечества – «телесная душа». Она не отделима от тела человека и помещалась разными народами в кровь, глаза, почки, фаллос и другие органы⁵⁹. Впоследствии, на более поздних стадиях развития первобытного общества

⁵⁹ Вунд В. Миф и религия / Пер. с нем. СПб., 1913.

сложилось представление о «свободной душе», принимающей по-прежнему телесную форму, но уже отделяемую от тела человека: душа-дыхание, душа-тень и др. Душа предстает как бы двойником человека, его вторым «я» в образе маленького человечка с прозрачным тельцем, младенца с крылышками, птички, бабочки, дыма, пара, ветерка и т. п. Рождаясь вместе со своим хозяином-человеком, душа занимает место либо в голове, либо в сердце, груди, животе. Взрослеет человек, и вместе с ним растет его душа. Ее пищу составляет пар от еды, потребляемой человеком.

Этнолингвист С. М. Толстая выделила три «возраста»-состояния души человека при жизни и после смерти. Первая фаза существования души – «телесная», когда душа находится постоянно в теле человека. Вторая фаза – душа «на привязи», когда душа находится вне тела человека, но где-то рядом с ним. И третья фаза – «свободная душа» умершего человека, навсегда покинувшая его тело, оказавшаяся на том свете или скитающаяся между «этим» и «тем» светом. В последнем положении оказывались души так называемых «заложных покойников», грешников, некрещеных младенцев⁶⁰. Таким образом, отделяться от человека и покидать его тело душа может лишь при определенных условиях: во время сна, обмирания (обморока), летаргического сна и, наконец, смерти.

Когда умирает человек, то душа умирает как отдельное существо: ей устраивают отдельные проводы на тот свет; для этого ставят в изголовье умирающему чашу с чистой водой, чтобы душа могла омыться или обмыть свои крылышки. Существовали способы «пропускать» душу на тот свет: для этого расстегивали одежду, как бы открывая внешние границы человека; для этого же открывали окна и двери в доме, снимали печную заслонку, как бы открывая границы жилища. Умирающему всячески помогали отпустить душу: его кропили, обливали или поили «немой» водой (то есть водой, принесенной в дом при полном молчании) или водой, отжатой из земли с трех полей. Существовали и другие способы ускорить расставание души с телом. В крайнем случае, разбирали крышу дома, чтобы расширить пространство, соединяющее «этот» и «тот» свет. Последнее случалось крайне редко, только если умирающий мучился и не мог покинуть этот мир, не передав кому-то секрет своего ведовства, колдовства, знахарства и других потайных знаний. Удивительно другое: даже в двадцатом столетии подобные случаи разбора кровли дома для ускорения смертного часа и расставания с душой умирающего всё еще случались.

Отношение к душе «заложных покойников» (ведьм, колдунов, самоубийц и т. п.), грешников и некрещеных было крайне настороженным, так как их души представляли большую опасность для живых. Неупокоенная душа находится слишком близко от границ «этого» и «того» света; она все время «мается», не находя себе места, не может успокоиться и поэтому постоянно тревожит людей, требуя помощи, пугая, угрожая, вредя.

Душа наличествовала, по представлениям древних славян, не только у людей, но и у животных. Их душа-двойник находилась также в их теле. Особенно часто в фольклоре упоминалась душа аиста, потому что когда-то он был человеком и теперь принимает человеческое обличье на зимовье. Представление о наличии души у деревьев, злаков, цветов и природных объектов (камней, рек, озер и т. д.) фиксировалось учеными крайне редко⁶¹.

Таким образом, у славян не было анимизма, то есть наделяния душой неживой природы; вернее, их анимизм был особого рода: так как душа представлялась маленьким телом внутри тела человека, то речь не шла о духе, вселяемом в предметы. Концепт духа возник вместе с библейской версией сотворения человека из глины и вложения в него души Богом. В языче-

⁶⁰ См.: Толстая С. М. Душа // Славянские древности. Т. 1. М., 1995. С. 162.

⁶¹ Виноградова Л. Н. Материальные и бестелесные формы существования души // Славянские этюды: Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 141–160; Никитина С. Е. Сердце и душа фольклорного человека // Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 26–38.

ском варианте возникал не дух, а тело, поэтому и душа мыслилась неким вторым, невидимым телом внутри человека.

При этом само видимое тело человека могло быть только одно, так как его повтор или удвоение (двойник) находится на «том» свете. Отсюда рождение близнецов, как удвоение тел, считалось опасным для окружающих ввиду вмешательства нечистой силы. Чтобы у близнецов не было общей судьбы, в особенности одновременной смерти, их «разделяли» по особому обряду. Двоедушество-двутелесность, как уже отмечалось, вселяло страх в окружающих, грозило столкновением с нечистой силой, с «тем» светом. Беременная женщина, как вынашивающая в себе второе тело, считалась нечистой, опасной, находящейся на границе. Ей не разрешалось участвовать в ряде обрядовых действий, и общение с ней строго регламентировалось.

Ведьмы и другие «двутелесники» обладали двумя телами вместо одного, что позволяло им существовать в двух местах одновременно. Представления о двойничестве наложили отпечаток и на число «два», и на негативное отношение к зеркалу и воде, отражавшим и как бы удваивавшим тела.

Сохранение своей телесной целостности – вот цель, которую преследовали язычники каждый день своей жизни. Что бы они ни делали, куда бы ни шли, с кем бы ни встречались, всегда и везде они осознанно или подсознательно оберегали себя от вторжения и воздействия внешних сил, в особенности нечистых сил и «того» света.

«Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком»: мужское и женское начала

Дуальность мира и человека, деление всего окружающего на противоположности, вступающие в постоянную борьбу, накладывались и на толкование мужского и женского естества. Мужское начало дополнялось понятиями чистого, верхнего, правого, нечетного, в то время как женское начало, соответственно, соотносилось с нечистым, низким, левым, четным.

Оппозиции «верх – низ» и «чистое – нечистое» строились на восприятии человеческого тела: до пояса человека считали чистым, ниже пояса – нечистым. При этом верхнюю часть тела сравнивали с небом, а нижнюю – с землей: «Человек яко неба и земли подобие. От полу человека вышняя часть, яко небо, и паки от полу вниз его часть, аки земля»⁶².

Хотя у многих славянских народов было поверье, что сначала мужчина и женщина были единым цельным человеком, но потом дьявол соблазнил женщину и образовались разнополюе существа, стремящиеся к слиянию в одно целое, но все же женщина воспринималась как подначальная неполноценная личность. Женщина тяготела к низкому и нечистому: она прочно ассоциировалась с водной и земляной стихиями, вынашивала и рождала плод, вскармливала ребенка грудным молоком, напоминавшим о «быстрой воде», периодически выпускала из своего тела «нечистую» кровь (во время месячных женщинам не разрешалось печь хлеб, квасить капусту, работать в огороде). Встретить первой женщину после наступления нового календарного цикла считалось к несчастью, а мужчину – к удаче на весь год. Женщина ближе, чем мужчина, к «тому» свету – миру предков, поэтому колдовство и магия ей удаются лучше. Ее связь с чертом и нечистой силой отражена в русских пословицах типа «Где черт не сладит, туда бабу пошлет».

Начиная с зачатия, люди пытались как-то повлиять на пол будущего ребенка. Мальчики нужны были в первую очередь, девочки – только во вторую. Если хотели зачать мальчика, в головах клали топор или мужскую шапку, если девочку – веретено.

Беременность воспринималась как пограничное состояние, потому что будущая мать становилась как бы «двутелесником»; внутри нее формировалось новое тело будущего ребенка, а это означало, что она постоянно находится на границе между «этим» и «тем» светом. Как говорили на Вологодчине, «с брюхом ходить – смерть на вороту носить». В то же время беременная женщина олицетворяла собой плодородие, которое она могла передавать бесплодным женщинам, животным, птицам, плодовым деревьям, всему, к чему прикасалась. В Полесье беременных даже сажали на ткацкую основу для того, чтобы лен хорошо рос, а полотно получалось ровным.

Все славянские народы считали, что беременная женщина лучше всего может вызывать дождь во время засухи (она бросала в колодец мак, ее обливали водой, погружали в воду, купали, кропили водой). В отдельных местностях считалось, что беременные могут потушить горящий дом, если обойдут вокруг него, или что они могут спасти скот от падежа, если впрягутся в соху и проведут обряд опахивания. А вот присутствие беременной на свадьбах или похоронах крайне нежелательно, потому что сами эти события имеют пограничный характер в судьбе человека, а беременная женщина может усугубить близость с «тем» светом и опасность вторжения в эти события нечистой силы. Если ее и приглашали на свадьбу, то за столом давали две ложки, а не одну.

Будущего младенца охраняли еще в утробе матери: нельзя пугать беременных, иначе у ребенка появится родимое пятно; нельзя беременным крутить нити, плести сети (ребенок

⁶² «Толкование нужнейших вещей» // Российский государственный архив древних актов. Ф. 188. № 1126. Л. 10 об.

может запутаться в них и не выйти из чрева матери); нельзя смотреть на калек; нельзя сидеть или стоять на пороге дома, на меже, на перекрестке; нельзя выходить из дома после захода солнца. Чтобы не было выкидыша, нельзя ступать по следу коня, быстрый бег которого якобы может повлиять на преждевременные роды. Да много еще чего было нельзя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.